

ДАФНЕ МАР

ЗА ДВАДЦАТЬ
МИНУТ
ДО ПОЛУНОЧИ

Дафне Мар

За двадцать минут до полуночи

Серия «Фэнтези для подростков»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67870272

За двадцать минут до полуночи / Дафне Мар: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-171865-7

Аннотация

Эмма никогда не любила романтическое фэнтези. И знаменитая трилогия «За двадцать минут до полуночи» исключением не стала. Эмма даже до конца её не дочитала, честно! Но почему-то именно ей повезло случайно вытащить в реальный мир одного из персонажей этой книги. Им оказался не благородный главный герой, а его брат – роковой злодей Винценц. И теперь Эмма должна помочь сбежавшему со страниц парню, иначе её вместе с ним затянет в его книгу...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	75
Глава 8	84
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дафне Мар

За двадцать минут до полуночи

Daphne Mahr

Booklove: Aus Versehen buchverliebt

© Ueberreuter Verlag GmbH, Berlin 2021

© Комарова М. А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

Дизайн обложки Екатерины Петровой

Во внутреннем оформлении использованы изображения: © Nina Ezhik, Ecaterina Sciuchina, Zeybart, Natalya Levish, B.illustrations, Huhehoda, Vectorgoods studio, Canatic, ArtHeart, MP2021 / Shutterstock.com

В коллажах на форзаце и нахзаце использовано изображение: © aslysun, AVA Bitter, MoVille / Shutterstock.com

В коллаже на обложке использованы иллюстрации: © HiSunnySky, ex_artist, tomertu, Bokeh Blur Background, Yaroshenko Olena / Shutterstock.com

Глава 1

Среда на последней неделе летних каникул должна была стать особенной. Исключительной. Но с самого начала всё пошло как-то не так. Утро началось с раздражающего звонка на моём мобильнике. *Квак, квак, квак.*

Если бы сосед по парте, который поменял мне мелодию звонка с песни Шона Мендеса *There's Nothing Holdin' Me Back* на группу Quarks, не был таким красавчиком, я бы давно вернула прежние настройки. Но это кваканье каждый раз напоминало мне о Джонасе, о его медово-карих глазах, о родинке на левой щеке и, конечно, в первую очередь – о той истории с клубникой. Когда я окончательно перестала наде-

яться на взаимность...

Я тяжело вздохнула и с головой накрылась одеялом: только кончик носа торчал наружу. Изо всех сил я пыталась не обращать внимания на квакающую лягушку. Но, к сожалению, она была довольно упрямой. *Квак, ква-ак, ква-а-ак, ква-а-а-ак.*

Наконец мне это надоело. Я нащупала на прикроватной тумбочке смартфон и ответила на вызов, даже не посмотрев, кто звонит. И именно в тот момент, когда я уже приложила телефон к уху и собиралась что-то сказать, я широко зевнула.

– Эмма, дорогая, ты что, до сих пор спишь? – это была моя лучшая подруга Леона.

Я чуть приоткрыла глаза. *До сих пор?* Всего восемь утра! А у нас всё-таки каникулы.

Однако Леона была другого мнения. Сейчас её голос звучал так, будто она только что пробежала марафон. Похоже, подруга опять решила выйти на пробежку с утра пораньше. Я ей даже немного завидовала, поскольку сама обычно радовалась, если мне утром удавалось спокойно и без суеты съесть тарелку кукурузных хлопьев. Леа же, ещё до начала уроков, полчаса бегала по парку, а ела она исключительно здоровую пищу – какие-то там сбалансированные органические хлопья со свежими фруктами. Активистка, спортсменка – умничка, одним словом.

Однажды я была на пробежке вместе с ней. Хватило на

всю оставшуюся жизнь. Рядом с Леоной я чувствовала себя восьмидесятилетней старухой, которая смогла бы обогнать разве что улиток. Их было предостаточно в саду моих бабушки и дедушки.

– Да нет, не сплю я. Меня лягушка разбудила, – пробормотала я, протирая глаза.

– Лягушка? – Леона хихикнула. Судя по фоновым звукам, она как раз делала растяжку где-то на скамейке в парке. – Так до сих пор и не сменила эту дурацкую песню? Впрочем, она очень даже подходит этому лягушонку Джонасу. Но ведь говорят, что лягушонок может превратиться в прекрасного принца, если его поцелует настоящая принцесса.

– Вполне возможно, – вздохнула я. – Ударение на слове «настоящая».

– А вдруг ты всё-таки сможешь его очаровать на осеннем балу? – не сдавалась Леона.

– Он же теперь с Меган ходит, забыла?

– И что с того? Кстати, я после пробежки как раз к вам собиралась.

Я медленно села на кровати, а Леона тем временем продолжала:

– Я всю ночь не спала. Божечки, это так волнительно! И так круто! Сегодня я наконец-то узнаю финал. Можешь себе представить? Два года этого ждала – и вот!..

Я нахмурилась. О чем это она? Что ещё за финал? О господи, тот самый финал!..

– Чёрт возьми... Ох, Леа, прости, мне срочно надо в лавку. Там тогда и увидимся. До скорого! – поспешно крикнула я и швырнула телефон на подушку. Затем я закрыла лицо руками и громко застонала:

– Аааааа!

Блин. Блин. Блин. Сегодня же тот самый важный день, а я до сих пор не в магазине! Сон как рукой сняло. Будто ужаленная тарантулом, я вскочила с кровати и тут же умудрилась наступить на край валявшейся на полу книги. Ай!.. Отлично день начался. Зачем я только согласилась помогать отцу в книжном магазине? Он же просто даёт мне чуть больше карманных денег, чем обычно. Но подвести папу я просто не могла, особенно сейчас, когда его помощница Филиппа снова заболела. С ней это постоянно случалось, когда предстояли важные дела.

А сегодняшнее мероприятие было чертовски важным. Папа уже несколько недель крутился юлой, потому что знаменитая писательница Ханна Рудерер вдруг решила почтить своим присутствием именно его небольшую лавку и представить здесь свою последнюю книгу в жанре романтического фэнтези. Скажу честно, я даже вообразить не могла, как это произошло, потому что «Книги Грюнвальд» – не то место, где обычно проводятся какие-то крупные мероприятия. Магазинчик у нас не то что маленький, а крохотный. И старомодный. Такой... незначительный. Ничем, в общем, не примечательный. Заходят к нам обычно верные постоянные

клиенты да туристы, которые непременно хотят купить почтовые марки (хотя марки папа как раз и не продаёт).

Но сегодня всё должно было быть по-другому. Ханна Рудерер собиралась читать не просто один из своих рассказов, а финальный том нашумевшей трилогии «За двадцать минут до полуночи». Так что вечером к нам должна была нагрянуть целая толпа. Мне было очень не по себе!

И дело было даже не в том, что мне не слишком нравилось работать в папином магазине – каждый, кто когда-либо сталкивался с моим отцом, это отлично понимал, – я просто не могла разделить всеобщее восхищение этими слащавыми историями.

Вот, например, в «Двадцати минутах...» всё вращается вокруг белокурого смазливового паренька дворянского происхождения по имени Фил Брендфейр. Он живёт в Суссексе в девятнадцатом веке и является путешественником во времени. Для очередного путешествия он использует стеной шкаф своего дедушки и внезапно оказывается в двадцать первом веке. Если быть ещё точнее, он попадает прямо в комнату ничего не подозревающей Эсмеральды, которая работает Au-Pair¹ в огромном загородном доме неприлично богатого семейства Брендфейров (это потомки Филадельфии, если вдруг кто-то не понял) и присматривает за трёхлетни-

¹ Au-Pair – обоюдный (*фр.*). Так называют молодого человека (юношу или девушку), который бесплатно живёт в чужой стране в принявшей его семье и делает определённую несложную работу – чаще всего присматривает за детьми. (*Здесь и далее – примеч. ред.*)

ми близнецами Уильямом и Дорианом. Буквально через десять страниц Фил и Эсмеральда уже без ума друг от друга, но тут возникает огромная проблема – коварный братец Фила по имени Винценц, который тоже осведомлён о необычных возможностях стенного шкафа. И конечно, как подобает настоящему антагонисту, он прилагает все усилия, чтобы отбить у Фила прекрасную Эсмеральду. А ещё он хочет стать самым могущественным путешественником во времени, для чего ему нужно сначала устранить Фила. Собственно, всё. Это весь сюжет. Дальше – только слащавые признания в любви да пафосные супергеройские фразочки. Однако главный герой, этот голубоглазый красавчик Фил, с лёгкостью покоряет все девичьи сердца. Да-да, поклонниц у него немало. И одна из них, к сожалению, моя подруга Леона.

Она бы всё на свете отдала, чтобы Фил существовал в реальности. С тех пор как вышла первая книга серии, она только и говорила о нём. Да, именно таким должен быть её идеальный парень – высоким, подтянутым блондином с ярко-голубыми глазами. Если же он вдобавок окажется британским лордом, да ещё и с магическими способностями – то вообще отлично. Только вот Фил был всего лишь книжным героем, а прыщавый Томми, с которым Леона училась примерно с шестого класса, даже близко не соответствовал её высоким требованиям. Я прекрасно понимала, что Леоне не слишком хочется выяснять, каково это – целоваться с парнем, который носит брекеты, но в то же время мне было даже немно-

го жаль Томми. Особенно учитывая тот факт, что он всегда давал ей списывать математику и носил её рюкзак. Незадолго до летних каникул он даже застенчиво поинтересовался, пойдёт ли она с ним на осенний бал. И это был не худший момент, потому что как раз за пять минут до этого Леона получила высший балл за контрольную по математике. Только поэтому она снисходительно бросила «хорошо» (просто не хотела разбивать ему сердце – он же, в конце концов, помогал ей с уроками и взамен никогда ничего не просил).

В любом случае лучше уж идти на бал с прыщавым Томми, чем одной! Так я пыталась утешить её на протяжении всех каникул. Печально было только то, что без пары для бала осталась именно я, потому что слишком долго ждала, что меня пригласит Джонас. Но он просто стащил пару листов из моего альбома и поцеловал в щёчку на автобусной остановке, а через неделю уже обжимался в кафе с Меган Джонсон (с таким имечком только в Голливуде у известных режиссёров сниматься!). Отец Меган был американцем, и в течение года она несколько раз летала в Кентукки к бабушке с дедушкой. С ней-то Джонас как раз и встречался. Даже клубничкой её кормил. ПРЯМО ИЗ СВОЕГО РТА! А мне от него только лягушачий рингтон остался...

Я поспешила в ванную, ополоснула холодной водой усыпанное веснушками лицо и попыталась заплести косу. Но мои волосы, казалось, жили собственной жизнью, и на голо-

ве остался полнейший хаос. Вид как у маленькой разбойницы. Иногда огненно-рыжие волосы и веснушки кажутся мне сущим наказанием, но с другой стороны – они напоминают мне о маме. Она умерла, когда мне было два года. Мы с ней действительно невероятно похожи, только глаза у меня карие. Папины.

На кухне меня ждали пустая упаковка кукурузных хлопьев и кислое молоко. Прекрасно. Ещё и не позавтракаю сегодня толком. Не день, а катастрофа!

В довершение всех бед я упала с винтовой лестницы, которая соединяла нашу квартиру с книжной лавкой на первом этаже. Но даже это было ещё не самым кошмарным, потому что, падая, я чуть не сбила с ног Ёлку-Перепёлку, папину постоянную клиентку. Конечно, звали её на самом деле совсем не так, просто она всё время носила одежду странных оттенков зелёного, а её причёска была похожа на птичье гнездо – вот я и дала ей такое прозвище. Ну... просто не смогла удержаться.

Ёлка-Перепёлка как раз покупала роман с интригующим названием «Пламенная похоть горца» (или что-то в этом роде). Она строго спросила, не пора ли мне, четырнадцатилетней девочке, прекратить кататься по перилам. Потом начала что-то бубнить о том, что надо взрослеть, несколько раз упоминала Пеппи Длинныйчулок. А на руках у неё, как всегда, сидел Джакомо Казанова – чихуахуа с богатейшей родословной, уходящей корнями аж в средние века. По крайней мере,

так утверждала сама Перепёлка.

Я, может, и ответила бы ей дерзко, но на ум ничего не пришло. Да и не в том я была положении, чтобы язвить – я сидела на полу с ушибленной ягодицей и выслушивала её нотации, пока все в лавке с любопытством поглядывали на меня.

Боль не прошла даже через двадцать минут, когда я, сидя у крошечной угловой витрины, выходящей на Клеверный переулок, тщетно пыталась понять папины указания с улицы. Отец вдруг решил, что декорация, которую он собрал ещё в прошлое воскресенье, недостаточно яркая для такого грандиозного события... Иногда он бывал таким суетливым, ну просто ужас. Я часто спрашивала себя, что с ним случилось бы, не унаследуй он этот магазинчик от прадедушки Генриха. Но ответ был один – в этом случае он открыл бы свою книжную лавку. Просто потому что папа был прямо-таки одержим книгами.

Он беспокойно пощипывал себя за подбородок.

– Эмма, добавь-ка ещё немного блёсток. Все должно выглядеть волшебно! Проходящим мимо людям должно сразу бросаться это в глаза. Да, вот так хорошо. Ещё, ещё больше! Ох нет, это уже перебор... Фила и Эсмеральду должно быть видно!

Я с трудом могла его слышать. Он стоял на улице под проливным дождём. Его серый пиджак насквозь промок, а в бо-

роде я могла разглядеть отдельные капельки.

Я вздохнула и скривилась.

Папа, похоже, не заметил, что настроение у меня, мягко говоря, паршивое, и снял свои круглые очки, которые делали его немного похожим на сову.

– Так, Морковка, давай я тогда сам. А ты лучше стулья иди расставь, с этим ты точно справишься.

Вот поэтому мне и не нравилось работать в книжной лавке. Что, скажите на милость, я сейчас сделала не так? С этим ты справишься... Как будто мне только задания для малышей можно доверить. Кроме того, я всей душой ненавидела это дурацкое прозвище, которое дал мне папа ещё в детстве. *Морковка*. Ну очень остроумно! Никогда от него, наверное, не отделаюсь.

Я фыркнула, опустила руку в ведро с блёстками и быстро-быстро их перемешала. Потом я выпрямилась, но сделала это чересчур резко и сильно ударилась затылком о распахнутую раму витрины. От неожиданности я качнулась назад и попала ногой в ведро... Пытаясь сохранить равновесие, я замахала руками в воздухе, но тщетно – в итоге я всё-таки рухнула на стол с книгами. Острый край одной из них тут же вонзился мне прямо в спину, я взвизгнула от боли, махнула ногой, и ведро с неё тотчас улетело куда-то в торговый зал. Ну супер, что сказать. Столько раз подряд облажаться на публике – это, конечно, надо постараться. А ведь день только-только начался. Хуже уже точно не будет. Правда, блёст-

ки засыпали все книги и пол. А ещё... ведро приземлилось прямо на голову старика, который как раз подошел к кассе и взял лимонную конфетку из декоративной вазочки. К счастью, на голове у него была широкополая шляпа, по форме чем-то похожая на дыню, так что это всё-таки немного смягчило удар. Но всё равно – грохот стоял жуткий, когда ведро упало на пол, чуть покружилось и наконец замерло.

– Од-на-ко... – пробормотал старик и чуть приподнял бровь.

В следующую секунду в магазин влетел папа.

Я невинно посмотрела на него и откинула со лба прядь, выбившуюся из косы. Пошевелиться я не смела, потому что чувствовала, что твёрдая обложка книги под моей спиной все больше гнётся и в любой момент может просто сломаться. Будет лучше, если папа ничего об этом не узнает. По крайней мере, не сейчас. Потому что, судя по тому, как он побледнел, он уже и так находился на грани нервного срыва.

Он поспешил к старику.

– Тысяча извинений! Моя дочь, она пытается помогать мне с делами в лавке, но... Это просто катастрофа ходячая. Вы сильно ушиблись?

– О, всё в порядке. – Старик смахнул блёстки с плеча. – У неё, пожалуй, неплохо получается помогать. Ей надо делать это чаще. Я, знаете ли, большой поклонник буффонад² в стиле Чарли Чаплина.

² Буффонада – комедийное действие, основанное на резком преувеличении.

Буффонады? Чарли Чаплин? О чём он вообще говорит, этот странный тип, который в своём чёрном пальто выглядит так, будто только что выпрыгнул из девятнадцатого века? Почему, кстати, он вообще в пальто? Лето же... В одном я была абсолютно уверена – раньше я этого старика в нашем магазине не видела. Его белые, как снег, волосы завивались у ушей в тонкие локоны, а над верхней губой красовались пышные усы. Однако самой необычной деталью в его образе был монокль, который он достал из нагрудного кармана пальто и вставил в левый глаз.

Да кто вообще носит монокль в двадцать первом веке?!

Но незнакомец вёл себя так, будто ничего необычного не произошло. Он подошёл ко мне ближе и пристально посмотрел в глаза.

– Впереди у нас важное событие. Не так ли?

Я наконец-то начала приходить в себя. Поднимаясь со стола, я поспешно спрятала книгу с испорченной обложкой за спину и хотела что-то ответить, но не смогла. У меня будто язык отнялся.

Впрочем, старик, кажется, и не ждал никакого ответа.

– Поистине, поистине это прекрасный вечер, – тихо пробормотал он, направляясь к двери. На пороге он остановился, приподнял шляпу и слегка поклонился мне. Затем быстро покинул магазин и зашагал по улице. Только тень мелькнула.

Я повернулась к кассе. Папа как будто и не заметил ни-

чего необычного. Что ж, это можно понять – сколько таких странноватых клиентов встречается ему каждый день... Одна Ёлка-Перепёлка чего стоит.

Папа тихонько напевал рождественскую песенку, рассматривая книжную закладку из трилогии о полуночи. Главный герой, Фил, на фоне фиолетовых блёсток. Слащаво до невозможности.

– Знаешь его? – спросила я, по-прежнему пряча за спиной повреждённый экземпляр книги.

Папа поднял глаза.

– Нет, Морковка. Но похоже, его заинтересовало грядущее мероприятие.

– Да ему лет восемьдесят, не меньше, – фыркнула я. – С каких это пор старенькие дедушки читают книги для подростков?

– Ну... – Папа пожал плечами. – Есть истории, которые приятно читать в любом возрасте. – Он по меньшей мере десять раз переложил закладки слева направо и теперь наверняка не перепутал бы их расположение даже с закрытыми глазами.

Затем он направился к витрине, напевая уже другую детскую песенку. С каждым его шагом я потихоньку разворачивалась к папе лицом. Как же мне избавиться от этой дурацкой книги?

– Стулья расставить не забудь, – напомнил папа. – И блёстки с пола нужно убрать. Неси-ка пылесос.

Пылесос! А вот и решение! Я слабо кивнула и направилась к кабинету за кассой.

Папа с удивлением посмотрел на меня.

– А ты не думаешь, что будет намного быстрее, если ты повернёшься?

– Эм... Витрина получается очень красивой, – попыталась я отвлечь его и улыбнулась как можно более искренне. – Только смотри – Винценцу, кажется, нехорошо...

Картонный Винценц действительно валялся на полу у ног картонных Филадельфия и Эсмеральды.

Отвлечь папу оказалось проще простого. Он тут же занялся упавшей фигурой, потеряв интерес ко мне.

А я добралась до кассы, наконец-то повернулась и со скоростью обезьянки исчезла в кабинете.

Глава 2

– Так волнительно... Я вся дрожу... Мне это снится, да? – с этими словами Леона сунула мне под нос свою руку. Все ногти оказались обкусаны, и чёрный лак местами совсем облез. – Я, наверное, всё ещё сплю. Эмма, ущипни меня скорее!

Было почти шесть вечера, и мы уютно устроились на последнем ряду. Мне понадобилось два часа, чтобы привести зал в порядок. Время от времени между книжными стеллажами прохаживались клиенты и порядок нарушали, но в целом всё было почти идеально. Всё было готово для сегодняшнего вечера. Это даже хорошо, что у меня прибавилось работы, – так я могла какое-то время не думать об испорченной книге. Эх, чего только не найдёшь в пылесосе, когда

решишь его вычистить!.. Тут тебе и розовые резиночки для волос, и недоеденные мятные конфетки, и собачья шерсть (за это, конечно, Джакомо Казанову надо благодарить). А теперь вот ещё и книга с покорёженной обложкой. План мой заключался в том, чтобы свалить всю вину на Филиппу, мол, это она засосала книгу пылесосом, когда в прошлый раз убиралась. Это принесло бы сразу две выгоды: во-первых, папа тогда будет очень зол на Филиппу (которую я в любом случае терпеть не могла), во-вторых, на меня он злиться точно не будет. И всё-таки я сомневалась, что это сработает. В тот момент, когда я рылась в мерзкой пыльной куче, в душу закрались первые сомнения... Нет, звучало всё-таки не слишком правдоподобно. В самом деле – как бы такой толстенный том пролез в узенькую трубу пылесоса? Глупо, конечно, но времени на то, чтобы усовершенствовать план, не оставалось. Напряжение нарастало с каждой минутой. Чтобы спокойно провести последние приготовления к мероприятию, папа даже специально запер магазин на ключ. Но сейчас было уже почти шесть вечера. И скоро уже толпа, которая полдня торчала снаружи, на мощёной булыжником улице, хлынет в магазин.

– Нет, Леа, это не сон, – раздражённо пробормотала я. Она, наверное, уже в сотый раз рассказывала мне, как взволнованна. – Это скорее кошмар. День с утра не задался, и до сих пор больно! – Я потёрла спину. Наверняка в том месте, где меня чуть не пронзил триллер, уже красовался синяк раз-

мером с арбуз.

Леона сочувственно улыбнулась и поправила очки. Её волосы цвета воронова крыла сегодня были забраны в пучок высоко на макушке, и из него слева и справа торчали отдельные пряди. Изумрудно-зелёные глаза, как всегда, были подведены чёрным. Несколько недель назад у Леоны началась «чёрная полоса». По крайней мере, папа так комментировал внешний вид моей подруги каждый раз, когда сталкивался с ней лицом к лицу. Леона ведь вдобавок носила исключительно чёрную одежду. Вот и сегодня на ней было грязновато-чёрное платье чуть выше колен. На ноги она надела ботинки от Dr. Martens с розовым цветочным принтом, и это было единственное яркое пятно в её наряде. Точно так же, наверное, выглядела бы Белоснежка, если бы вдруг решила стать готом.

– Так что, ты дочитала первый том? – Леона переключилась с моей травмы на более приятную для неё тему и сунула в рот жевательную резинку. Сразу запахло перечной мятой. Правильно, посочувствовала немного, и хватит с меня.

– Брось, ты же это не серьёзно. – Я демонстративно зевнула.

– Абсолютно серьёзно.

– Ты прекрасно знаешь, я забросила первую часть, как только прочитала, что Эсмеральда и Фил обнимаются в утином пруду. Да я уже за четыре главы до этой сцены догадалась, к чему всё идёт. Ненавижу, когда истории так предска-

зумы!

– Ты не можешь этого знать, потому что никто ещё не знает, чем закончится третий том, – возразила Леона. – Мы узнаем об этом только сегодня. Кроме того, это же был пруд для купания!

Она надула небольшой пузырь из жвачки.

– Могу хоть сейчас рассказать, что там дальше будет. – Я небрежно откинулась на спинку стула и посмотрела подруге в глаза. – Вариант А: Эсмеральда и Фил поженятся, конечно, только после того, как узнают, что Эсмеральда тоже может пройти через временной портал в шкафу, потому что способность путешествовать во времени заразна при слишком интенсивном физическом контакте. Вариант Б: они вместе сбегут, потому что Фил не захочет ссориться с Винценцем. И вполне вероятно, потом они тоже поженятся. Но есть ещё вариант В. Шанс, правда, невелик, но всё же: все умрут. Это мой любимый, потому что в этом случае точно не будет продолжения. Но, к сожалению, это вряд ли случится, потому что ну как же это мы без хеппи-энда...

– Бред!

– Вот увидишь, так всё и будет. Или у Эсмеральды родится ребёнок, который тоже станет путешествовать во времени. И он как раз и будет главным героем четвёртого тома...

– Да ну прекрати! – Леона толкнула меня в плечо. – Ей же всего пятнадцать! К тому же только сейчас должно проясниться, что там будет дальше с Эсмеральдой и тем зага-

дочным кавалером на балу.

Ах да. Совсем забыла. Ведь второй том обрывался на самом интересном моменте, когда в разгар маскарада Эсмеральду пригласил на танец таинственный незнакомый юноша. Но, конечно, это мог быть только Винценц.

Леона жутко злилась по этому поводу. Надо же было так подло поступить с читателями!.. Автор же точно знала, что фанатам трилогии целый год, если не больше, придётся ждать продолжения.

– Какая же всё-таки захватывающая у Эсмеральды жизнь... – мечтательно протянула Леона. – Мне бы так... Может, следующим летом тоже принять участие в программе Au Pair? Поеду в Англию. – Она грустно вздохнула и начала грызть ноготь большого пальца, что было не слишком умно с её стороны, поскольку лака на ногтях уже и так почти не осталось.

Я только хмыкнула.

– Но прежде тебе придётся отказаться от этого жуткого макияжа и чёрной одежды, иначе ни одна семья – неважно, богатая или нет – тебя не примет. Решат, что по ночам ты поклоняешься дьяволу на кладбище. Им же и в голову не придёт, что на самом деле ты та ещё трусиха.

Именно в этот момент в комнату вошёл папа. Он окинул меня критическим взглядом, и я даже не сразу поняла, почему он так строго смотрит. Он же прекрасно знал, что мы с Леонией просто дурачимся. Знал, что мы всегда так делаем.

Спустя мгновение до меня дошло, в чём тут дело. Он был не один.

По комнате медленно распространялся нежный розовый аромат. Моя бабуля Фрида пользовалась точно таким же парфюмом. Даже как-то странно, что Ханна Рудерер (а это была именно она), автор слащавых романов для подростков, предпочитала духи, которые обычно выбирают старушки, хотя ей самой на вид было примерно тридцать с небольшим. Но это, пожалуй, оказалось ещё не самое дикое в её образе, потому что вдобавок ко всему она небрежно накинула блейзер поверх ярко-розовой блузки в белый горошек. Видела бы эту блузку Минни Маус, она бы от зависти побелела!

Леона тотчас напряглась. Ещё бы – любимая писательница совсем рядом!..

Да, Ханна Рудерер стояла прямо за папой и держала в руках экземпляр своей новой книги. При этом она так крепко сжимала томик, как будто боялась его уронить. Женщина с любопытством разглядывала нас своими тёмно-карими глазами.

– Так это и есть те девушки, Корнелиус? – Господи, до чего же приторно-сладко звучал её голос!.. Нет, прямо чересчур сладко. Так обычно говорят люди, которые задумали что-то нехорошее, но виду подавать не хотят, вот и пытаются замаскироваться. Так что её голос сразу же вызвал у меня подозрение.

И почему это, интересно, она назвала папу «Корнелиус»?

Обычно коллеги этого не делают. И почему он рассказал ей о нас с Леонрой? Хотя, конечно, на самом деле гораздо больше меня волновало, что именно папа ей рассказал.

Ладно, про Леону я ещё могла понять, могла представить, как мог описать её папа: самая ярая почитательница, так часто перечитывала первые два тома, что уже и сама со счёта сбилась, и далее, далее, далее... Ханне Рудерер это бы точно очень польстило. А про меня-то что говорить?

И тут папа наклонился к уху нашей гостыи.

– Да, теперь ты сможешь поближе познакомиться с моей Эммой.

Так, а это ещё что значит?! По идее, я не должна была услышать его слов, такой гвалт стоял в тот момент в магазине. Впрочем, папа никогда не умел ничего скрывать. Я уже в четыре года могла легко раскрыть все его секреты, от меня никогда ничего не ускользало, поэтому Рождество, Пасха и все мои дни рождения всегда были немного скучными. С другой стороны, мне в любом случае очень не нравились сюрпризы.

– Как интересно! – воскликнула Ханна Рудерер, чем ещё больше сбивала меня с толку.

В отличие от папы, она даже и не пыталась говорить шёпотом. Она так пристально смотрела на меня, будто я была каким-то очень ценным предметом – например, последним лимоном на земле, который она очень хотела добавить в чай.

Я уже подумывала, как бы по-тихому смыться из всей этой

суеты, поскольку обстановка мне категорически не нравилась – было чересчур ярко и слащаво, – как вдруг знаменитая писательница подошла ближе и совершенно невозмутимо плюхнулась на один из складных стульев рядом с Леоной и мной.

– О-хо-хонюшки... – протянула она, снимая свои розовые туфли. – Эти каблукы меня просто убивают.

Что ж, неудивительно. На таких каблучищах стоять-то тяжело, не то что ходить!

С удивлением я наблюдала, как Ханна Рудерер небрежно закинула ноги на спинку стула, стоявшего перед нами, и откинулась назад, скрестив руки за головой.

– Прекрасно, – протянула она и удовлетворённо пошевелила пальцами ног. Ногти на них были окрашены в тёмно-красный, и сразу было видно, что тут работал профессионал.

– Знаете, я так нервничаю... Вы тоже? Я всю ночь глаз не могла сомкнуть, – сказала она. – Не терпится узнать реакцию читателей. Возможно, после этого тома вы все меня возненавидите. – Она тихо рассмеялась.

Что она, спрашивается, хотела от нас услышать? Я в принципе могла открыто сказать Ханне Рудерер, что о моей реакции она может не беспокоиться, поскольку я и до этого ненавидела её истории и буду ненавидеть их до конца своей жизни. И не только потому что они нереалистичные, неизобретательные и слащавые, но ещё и потому, что состоят они из

одних клише.

Но я не стала этого делать, а только мягко подтолкнула Леону локтем в бок. Пусть лучше говорит она.

– Ну... если только Эсмеральда не переключится в итоге на Винценца, – хрипло пробормотала она.

– М-м-м... – Ханна Рудерер забавно нахмурилась. – Это было бы очень плохо, не так ли? Ну что ж, посмотрим, посмотрим...

– Но... – продолжала Леона, однако не успела произнести ни слова, потому что её перебил папа.

Он беспокойно постучал по своим наручным часам.

– Ханна, ты не возражаешь, если мы потихоньку начнём? Сейчас без пяти шесть. Просто иначе твои поклонники мне витрину разобьют.

– Уже начинать? – Ханна Рудерер сбросила ноги со спинки стула и встала, разглаживая помятый жакет. – Ну хорошо, давайте. Хотелось бы, конечно, ещё немного поболтать с девушками. Тогда продолжим разговор чуть позже, хорошо? – Тут она широко улыбнулась.

Я пробормотала сдержанное «угу», которое, к счастью, никто не услышал, так как Леона заглушила меня своим громким «Да-а-а, это было бы просто замечательно!»

Ханна Рудерер кивнула.

– Вот и договорились. Ах, милые мои, никогда не надевайте на важное мероприятие обувь, которую вы до этого не носили. Иначе вас это просто убьёт. – Она покачала голо-

вой. – А мне теперь, наверное, придётся читать босиком.

Комната была заполнена людьми, их оказалось больше, чем мог вместить наш магазинчик. Многим приходилось стоять или сидеть на корточках, прямо на полу. Я даже не помню, было ли у нас когда-нибудь столько народу. Но эти произвольные групповые обнимашки, казалось, мало кого беспокоили.

Я чуть сползла со стула и критически осмотрела Ханну Рудерер. Под столом, за которым она сидела, можно было отчётливо различить, как она медленно покачивает босыми ногами.

В это же время она рассматривала свой маленький микрофон так, будто видела его в первый раз. Потом ей это, по-видимому, надоело, и она налила себе воды в стакан.

У папы на лбу блестели бисеринки пота. В магазине было жарко, как в сауне.

Он несколько раз промокнул лицо носовым платком, затем тоже потянулся за микрофоном, наклонился и что-то прошептал Ханне на ухо. Она улыбнулась ему и кивнула. У меня возникло странное ощущение, что при этом она на секунду покосилась на меня. Да, она смотрела в мою сторону! Конечно, в тот момент мне было уже любопытно, о чём таком важном шепчутся эти двое. Со стороны всё выглядело так таинственно, будто они что-то замыслили. Хотя на самом деле речь, скорее всего, шла о каких-нибудь скучных организационных моментах, вроде того, как отрегулировать

громкость микрофона или что-нибудь в этом роде.

И вот папа наконец представил нашу дорогую гостью. Хотя это, пожалуй, было лишним. Наверняка все присутствующие и так прекрасно знали, кто такая Ханна Рудерер. Тем не менее никто, судя по всему, не возражал ещё раз послушать, каких высот писательница уже успела достичь в своей блестящей карьере.

– И для меня огромная честь иметь возможность приветствовать этого необычного человека сегодня у нас в магазине! Пожалуйста, поддержите аплодисментами уникальную, удивительную, замечательную, прекрасную Ханну Рудерер, – наконец закончил папа свой хвалебный гимн. Нас ждало ещё девяносто пять минут разглагольствований. Скука смертная.

Люди заплодировали. Я тоже немного похлопала, но только для того, чтобы не выделяться в толпе фанатов. К тому же рядом со мной стояла Леа, которая после коротенькой личной встречи с любимым автором буквально мутировала из мегафанатки Ханны в гипер-фанатку. Хотя, казалось бы, куда уж фанатичнее...

– Ханна, конечно, пришла к нам не без повода, – продолжил свою речь папа. – Сегодня у нас особенный день...

– О да! – лучезарно улыбнулась Ханна Рудерер. И опять у меня возникло чувство, что она поглядывает на меня. Да почему она всё время смотрела в мою сторону?

Папа тоже улыбнулся аудитории.

– Сегодня мы все празднуем выход финальной части грандиозной трилогии «За двадцать минут до полуночи». Я уверен, вы все с нетерпением ждёте продолжения истории Фила и Эсмеральды, так что не смею вас больше задерживать. Итак, Ханна, тебе слово!

Ханна поблагодарила присутствующих за тёплый приём в своей обычной слащаво-приторной манере, так что звучало это примерно как «Я только пока прикидываюсь доброй и милой, но потом я вас всех уничтожу», а затем развернула лежащую перед ней книгу где-то посередине и сказала с заговорщической улыбкой:

– Вы помните, что Эсмеральда отправилась на традиционный семейный бал с таинственным парнем в мрачной венецианской маске в конце второго тома. И мы все можем догадаться, кто же это был. Эсмеральда это тоже выяснит вскоре после танца. Что именно произошло на балу, вам придётся читать самим. Но одно я могу сказать, – она понизила голос до шёпота, – Эсмеральду гложет совесть.

Я закатила глаза. Чего же ещё можно ожидать? Неужели и без этого спектакля не было ясно, что она в итоге пообжималась с тем «таинственным парнем в маске» (то есть Винценцем), и всё только для того, чтобы теперь в третьем томе, по крайней мере, на первых ста страницах, плавно и неспешно разворачивалась душераздирающая драма?

Ханна Рудерер сделала глоток воды, прежде чем начать. Впрочем, «читать» – это, пожалуй, слишком громко сказано,

она скорее едва слышно шелестела. Видимо, с её точки зрения, такой тон должен был создать романтическую атмосферу. Пока она говорила, кончики её волос качались взад-вперёд и то и дело задевали подбородок. Наверняка было щекотно. Я смотрела на это, и мне казалось, что щекочут меня.

Я заметила, как Леона становится всё тише и тише. На самом деле я даже не была уверена, что она не забывает дышать.

Фил сидел напротив неё и резал на кусочки индейку в тарелке. Вот он снова поднял взгляд. Эсмеральду словно током ударило. Его прекрасные светло-голубые глаза сверкали. В голове снова промелькнули воспоминания об их купании в пруду. Боже, как же ей сейчас сказать ему, что она танцевала с Винценцем на балу? Едва ли он простит её за это. Она даже не знала, как теперь будет смотреть на себя в зеркало, после того, что она наделала... Её сердце разрывалось на части. Эти молодые люди, братья Брендфейры, просто сводили её с ума. Душу Эсмеральды заполнила такая невыносимая тоска, что она вся дрожала. Ей так хотелось коснуться руки Фила, но она не осмелилась. Она боялась, что он по одному этому прикосновению тут же догадается обо всём, что случилось. Кончики её пальцев горели и пульсировали...

Я зевнула, с любопытством наблюдая за лицами в аудитории. Всё было интереснее, чем горящие и пульсирующие

кончики пальцев Эсмеральды. И вдруг заметила в первом ряду старика с моноклем. На миг я зажмурилась. Мне, должно быть, показалось. Но нет, это действительно был он! Сейчас странный старик держал на коленях записную книжку в коричневом кожаном переплёте и сосредоточенно делал какие-то записи. Он что, за Ханной всё записывает? Или зачем ему ещё записная книжка?

Я похлопала Леону по плечу.

– Смотри, вон тот старик с моноклем...

Леона подняла голову и бегло осмотрела его.

– Ну и что?

– Он уже приходил сюда сегодня утром. Что он тут делает?

Леа пожала плечами.

– Кто знает, может быть, он из команды Ханны Рудерер.

Вот он и должен что-то записывать.

– И что же?

– Ну не знаю. Может, это консультант по имиджу!

– Ха! Консультант по имиджу? Такие консультанты ведь только у политиков бывают, разве нет? Кроме того, даже я стала бы лучшим консультантом.

Леона отмахнулась.

– Ну может, он и не консультант, а журналист. Какая разница, в конце-то концов.

– Но утром мне так не показалось. – Я со вздохом оперлась локтями о бедра и снова посмотрела вперёд. Папа строго нахмурился и многозначительно уставился на меня. Наверное,

ему было неприятно, что я отвлекалась и вертелась на таком важном мероприятии, в то время как он ожидал, что я отнесусь ко всему серьёзно, я же Грюнвальд как-никак... Но вообще-то я именно это и делала! Это же серьёзно! И судя по всему, меня одну поразило странное поведение загадочного незнакомца. Пока Ханна Рудерер читала, он ни разу не поднял головы, всё что-то писал, писал... Только когда наша дорогая гостья захлопнула книгу (наконец-то!) и объявила, что теперь подпишет экземпляры желающим, старик прекратил писать и спрятал блокнот в карман пальто. Должно быть, это пальто было таким же просторным, как чемодан Мэри Поппинс, потому что даже крошечный уголок кожаного переплёта не торчал сейчас из его кармана.

Я напряжённо наблюдала, как старик поднялся с места. Однако он не встал в очередь за автографом, как большинство читателей (в основном – молодые девушки), а вместо этого поспешил выйти из комнаты.

Я тут же вскочила со своего места и быстро огляделась. Из-за большой толпы людей я никак не могла рассмотреть, направился ли он к выходу или же куда-то ещё.

Тогда я подбежала к Леоне, которая, конечно, давно стояла в очереди, и схватила её за руку.

– Давай скорее за ним!

Леона испуганно пожала плечами.

– Что? За кем?

– За тем стариком! Он только что сбежал.

– Так, может, он просто в туалет пошёл? Возраст всё-таки, – предположила Леона. – Ты возьми, например, моего двоюродного дедушку Альберта. Он и полчаса не просидит ни на одном семейном торжестве. Хотя, вполне возможно, дедушка просто не хочет слушать папины тосты...

– Да пойдём же! – Уже никакого терпения не хватало. Было очевидно, что здесь что-то не так. Но, видимо, понимала это только я.

Так что я просто потянула подругу прочь, и девушка, до этого стоявшая за ней в очереди, не теряя времени, заняла её место.

Леона свирепо зыркнула на неё.

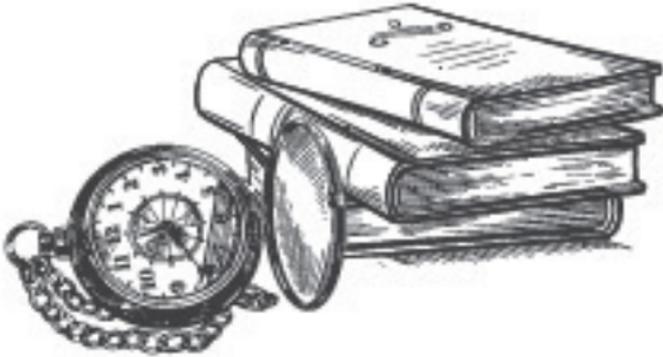
– Ну, Эмма... Если это очередная твоя бредовая фантазия, то ты мне должна как минимум пять шоколадных маффинов, – пригрозила она мне. – А я даже не сомневаюсь, что ты опять пытаешься сбежать от чего-то по-настоящему важного! Так же как и тогда, до каникул, когда тебе вдруг взбрело в голову, что наш директор – наркодилер, и мы пропустили математику из-за тебя. Математику, чёрт возьми! Неудивительно, что мне теперь приходится идти на бал с прыщавым Томми. Если я снова получу плохую оценку по математике, мама не продлит мне подписку на Netflix.

Я не слушала, что она говорит, потому что моё внимание привлекло кое-что другое: дверь за кассой была открыта.

– Он пошёл в папин кабинет! – бросила я через плечо.

Глава 3

Я включила свет. На миг яркие неоновые лампы нас ослепили. Я моргнула и посмотрела на белую металлическую полку, на которой аккуратно лежали заказы клиентов. На корешки книг были наклеены жёлтые почтовые листки с именами заказчиков, всё расположено в алфавитном порядке. Большинство книг было упаковано в прозрачную плёнку. Я пробралась к этой полке и спряталась за ней. Отсюда можно было незаметно заглянуть за угол, где располагался офис. Там папа хранил бухгалтерские документы и прочую скучную ерунду, в которой я ничегошеньки не понимала, да и не собиралась в это вникать.

И сейчас там, в офисе, что-то подозрительно шуршало. Будто кто-то рылся в стопке бумаг. Мне стало не по себе, и

на миг я затаила дыхание. От волнения меня била дрожь, а сердце колотилось как бешеное. Очень медленно, стараясь не издавать лишних звуков, я обернулась на Леону, которая стояла у самой двери в торговый зал. Её лицо было бледнее мела. Без сомнения, она тоже слышала, что за углом кто-то шныряет. Одно неверное движение, один звук, и этот кто-то обнаружил бы нас! В отличие от меня, Леона ненавидела приключения (если только дело не касалось свиданий с симпатичными парнями). Хотя читать она, конечно, любила и нередко мечтала о том, чтобы присоединиться к персонажам любимых книг и помогать им распутывать тайны. Но если бы ей действительно представилась возможность выбора, она скорее предпочла бы нормальную жизнь среднестатистической четырнадцатилетней девочки-подростка, какой бы скучной и пресной она ей до этого ни казалась.

Я приложила палец к губам и прошептала:

– Оставайся тут и следи за дверью!

Леона поспешно кивнула. У неё явно не было особого желания сопровождать меня в поисках злоумышленника. Я глубоко вдохнула, так что воздуха точно хватило бы на все мыслимые и немыслимые непредвиденные обстоятельства, и шмыгнула в кабинет. И тут же резко остановилась. На старомодном секретере лежало несколько открытых папок. Тихо гудела зелёная настольная лампа. Вот и всё. А загадочного старика с моноклем и след простыл, только вращающееся серое кресло слегка покачивалось, будто с него совсем недав-

но кто-то поднялся. Я внимательно огляделась. Под столом никто не прятался, и это вряд ли было бы возможно, учитывая, сколько этому дедуле лет. Рядом с секретером находился узкий белый шкаф. Быстро подойдя ближе, я распахнула дверцы, но там оказались только папки с документами, подписанные вручную. Я закусила губу. Другого укрытия в комнате не было. Неужели старик просто взял и растворился в воздухе?

Я подошла к письменному столу и посмотрела, что за документы лежали в раскрытых папках. Просто какие-то заказы. Но вдруг я заметила лиловый отблеск под одним из листов. Робко протянула к нему руку и приподняла его. Там оказалась брошюра с программой вечера. На открытой страничке был анонсирован третий том трилогии. Сбитая с толку, я взяла цветную брошюрку в руки.

Заклинание Времени завершает круг.

Сердечная драма и волшебная романтика
гарантированы!

На картинке светловолосый парень танцевал с белокурой девушкой, а из шкафа выглядывал темноволосый юноша и с презрением наблюдал за вальсирующей влюблённой парой. Рядом – содержание и иллюстрация обложки самой книги. Я уже хотела убрать брошюру, когда в глаза мне бросилась рукописная заметка в самом конце страницы. Написано синими чернилами, которые успели немного размазаться. Тот, кто писал это, явно очень торопился, потому что буквы пры-

гали и плясали.

Прочти начало! Ты ещё можешь успеть!

Это явно был не папин почерк. Мне стало не на шутку страшно, поэтому я бросила тетрадь и решила скорее вернуться к Леоне.

Наверное, нужно рассказать папе обо всей этой истории? Ведь здесь как-никак был посторонний человек, который рылся в документах. Только вот поверит ли он мне? Я ведь не могла ничего доказать. К тому же папа и так считал меня человеком с чересчур бурной фантазией.

Но только я собралась уходить, как моё внимание привлёк ещё один предмет – рядом с программой вечера лежала старая, потрёпанная книга. И это явно не товар, случайно оказавшийся на столе вместе с документами. В нашем магазине нет антикварного отдела, а этой книге на вид лет сто, а то и больше. Переплёт был обтянут тёмно-синей тканью. Осторожно дотянувшись до него, я прочла вытисненную на обложке золотыми буквами надпись «Удивительная жизнь коллекционера жаб Корбиниана Крётенштауба».

Откровенно дурацкий заголовок! Надо будет спросить папу, что это ещё за роман такой. Я положила книгу обратно.

Леона по-прежнему стояла у двери, но уже не выглядела такой бледной.

– Ну что, поймала его? – шёпотом поинтересовалась она. Я отрицательно покачала головой.

– Он как сквозь землю провалился.

– Хм, здесь никто не проходил. Может, отсюда есть другой выход?

При этих словах я так и застыла от ужаса. Господи, какая же я идиотка! Ну конечно! Он наверняка вышел во двор через заднюю дверь. Что ж, если повезёт, мы можем успеть его перехватить.

– Давай скорее! – крикнула я и бросилась обратно в кабинет, на этот раз внимательно наблюдая за Леоной. Мы промчались через кабинет к крошечному коридорчику, ведущему в туалет, если немного свернуть, а затем дальше во двор. Я повернула ручку задней двери. Заперто. Я снова подёргла ручку, потом раздражённо пнула дверь ногой. Зараза! От этой двери у меня нет ключа, потому что папа не посчитал нужным сделать для меня дубликат. А зачем тебе забегать в кабинет с улицы? А вдруг ты дверь потом за собой не закроешь? А тут, вообще-то, важные документы и бла-бла-бла-бла... Теперь стало ясно, насколько полезной была его чрезмерная предусмотрительность.

Леона наклонилась и сложила руки на коленях.

– Слушай, Эмма, он вряд ли прошёл здесь. Как бы он открыл дверь без ключа?

– А куда он тогда делся? Из кабинета есть только два... – Я не успела закончить, потому что неожиданно раздался гром-

кий треск. Огни неоновых ламп погасли. Мы вмиг оказались в полной темноте. Настольная лампа тоже не горела.

– Электричество отключили, что ли? – предположила я. Папа точно будет вне себя. В такой-то день...

После того как мы пробрались сквозь тьму и я наконец открыла дверь в торговый зал, то немного удивилась тишине, стоявшей в магазине. Как-никак, когда произошло короткое замыкание, здесь собралось больше сотни человек, желающих получить автограф любимой писательницы. И вдруг – так тихо... Однако моё удивление возросло, когда я переступила порог торгового зала и поняла, что не вижу ни одной живой души. Ни одного силуэта в густом полумраке... Более того, всё казалось идеально прибранным, как это обычно бывает только после того, как папа уже закончил работу и поднялся по винтовой лестнице наверх, в нашу квартиру.

– А где же все? – недоумённо прошептала Леона.

Я ничего на это не ответила, поспешно вытащила телефон из кармана и ошеломлённо уставилась на экран. Двадцать три ноль-ноль. Как такое могло произойти? Мы же были в кабинете максимум минут пятнадцать. Но если у меня не сбились настройки на телефоне, то прошло на самом деле целых ЧЕТЫРЕ часа. Крайне озадаченная, я подошла к входной двери, выходившей в Клеверный переулок. На ней висела металлическая табличка «Закррито». Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица.

Я нервно порылась в боковых карманах джинсов в поисках ключа от квартиры, осторожно поднимаясь по ступеням винтовой лестницы.

Только на верхней ступеньке я поняла, что ключа от квартиры у меня с собой нет. Видимо, забыла его у себя в комнате из-за всей этой кутерьмы с опозданием. А дверь в квартиру была, естественно, заперта. Я громко постучала.

– Эй, пап, ты не мог бы открыть дверь, пожалуйста?

Прошла минута, но ответа не последовало, и тогда я снова постучала в дверь.

– Папа, ты нас запер!

Опять ничего. Я осторожно прислонила ухо к двери и прислушалась. Мёртвая тишина. Даже храпа не слышно. Чаще всего после работы папа ложится на диван и читает. Стучала я довольно громко, так что он гарантированно услышал бы меня, даже если бы задремал. Пока он не начинает храпеть, сон у него чуткий. Что-то здесь совсем не так...

Глава 4

Я снова спустилась по лестнице, включила фонарик на мобильнике и посветила прямо в испуганное лицо Леоны. Её причёска вся растрепалась.

– Они же не могли так просто исчезнуть, здесь было по меньшей мере сто человек, – лихорадочно бормотала она. – Эмма, позвони своему отцу, он должен вытащить нас отсюда!

– Не могу – нет сети. – Я показала на экран смартфона. Леона округлила глаза. Только не это – сейчас подруга расплачется в голос...

– Ох ты, чёрт... Эмма, да что здесь происходит? Мы что, попали во временной разрыв?

Мы знали друг друга с детского сада, так что для меня не

было большим секретом, что Леа жутко боится темноты (а ещё пауков и лебедей в парке).

Я успокаивающе положила руку ей на плечо.

– Нет, что ты, какой ещё разрыв... В реальности никаких временных разрывов не существует. Просто мы так переэволювались, что не заметили, как пролетело время. Уверена, папа скоро поймёт, что случайно запер нас в магазине, и вернётся за нами – по крайней мере, я сама на это очень надеялась.

– А до этого нам что делать? – фыркнула Леона.

– Понятия не имею. – И тут мой взгляд упал на журнальный столик, за которым ещё недавно сидела Ханна Рудерер и читала отрывок из своей скверной книжонки. Там остался лежать последний подписанный экземпляр «За двадцать минут до полуночи». Улыбнувшись, я отошла от Леоны и взяла книгу в руки. – Как насчёт этого? Ты так хотела узнать финал, так давай прочитаем, чем всё в итоге закончилось.

– Я никогда не начинаю читать с конца, ты что... – в ужасе ответила подруга и, скрестив руки на груди, плюхнулась на стул. По крайней мере, паниковать перестала. – Сначала нужно понять, как развивается конфликт. Как Фил решает дело с Эсмой и Винценцем... и всё такое. Без этого никак.

– Хм... – Я села за стол и раскрыла томик. Правой рукой я поставила телефон так, чтобы он хорошо освещал книгу, левой быстро пролистала страницы почти до самого конца. В новом томе было почти четыреста страниц, но поклонни-

ки, вероятно, были бы только рады, будь их в нём больше тысячи. Заголовок каждой главы был окаймлён извилистыми розами, из которых вырисовывались маленькие фигурки персонажей.

Я театрально откашлялась, посмотрела на Леону и проговорила гнусавым голосом:

– Безмерно рада, что вы пришли к нам, ведь сегодня я, известная писательница бестселлеров Эмма Грюнвальд, прочту вам отрывок из моей последней работы. А начнём мы... – Тут я осеклась, потому что мне показалось, что я слышу странный шёпот прямо у самого уха.

– Начнём с начала, – прохрипел загадочный голос.

Так, а вот это сейчас было реально жутко. Наш магазинчик в темноте всегда казался мне страшноватым, особенно мрачные углы между полками. Но Леоне я бы в этом ни за что не призналась.

– Начнём с конца, – продолжила я. – «Шёпот в ночи».

В этот момент мне показалось, что в отделе детских книжек что-то странно скрипнуло. Мыши, что ли, завелись?

Может, папе всё-таки не стоило прогонять толстую персидскую кошку Кунигунду, когда она в очередной раз пробралась из соседней квартиры в его кабинет и улеглась спать среди папок с документами. Впрочем, я немного сомневалась, что толстوشка Кунигунда будет охотиться на мышей. Две недели назад это пушистое недоразумение умудрилось застрять в кошачьем окошке двери, и я помогала нашей ста-

рой соседке её вытаскивать. А Кунигунда меня ещё и царапнула пару раз.

А что, если это и не мыши вовсе? Что, если это... Ну нет, вообще ерунда получается. Я снова откашлялась. Меньше надо придумывать, Эмма, сама же себя напугала. Это как бояться ночью ходить в туалет, потому что до этого читал страшилку о трёхлетней девочке, одержимой демонами, или о каком-нибудь психопате-убийце. Сам себя потом пугать будешь, а на самом деле ничего такого не произойдёт. Так что нечего себя накручивать. Поэтому я продолжила читать как можно более спокойным голосом.

Эсмeральда пробиралась через глухой тёмный лес. И отовсюду ей мерещилось...

– Читай с начала!

Да что ж такое!.. Опять.

– В чём дело, Леа? – испуганно воскликнула я.

Леона удивлённо подняла голову.

– Так я ничего и не делала! – сказала она с тревогой.

– Да, конечно. Ха-ха-ха, умереть со смеху можно. – Я снова вернулась к чтению, -

...мерещилось что-то зловещее.

– С начала!

Окей. С меня довольно. Шутки шутками, но надо и меру

знать. Я захлопнула книгу.

– Прекрати! Это уже не смешно!

Но тут я увидела, что Леона сидит вся бледная. Её лицо выделялось из темноты, будто светлая точка.

– Да говорю же, это не я, – прошептала она задыхающимся голосом. – Но я сейчас тоже что-то слышала.

Она испуганно схватилась за шею. В темноте этого почти не было видно, но на шее у неё наверняка уже вздувались красные волдыри, как это всегда бывало, когда она сильно нервничала. Например, перед математикой.

– Хорош прикалываться, я знаю, что это ты, – фыркнула я, надеясь, что это действительно так. Ведь иначе... Не хотелось думать о том, что это призрак моего прадедушки копается сейчас в магазине. Я однажды рассказала об этом Филиппе, чтобы напугать её. Но сегодня мне было совсем не до смеха. А вдруг это всё же правда?

Леона уже панически стучала зубами.

– Нет, Эмма, это не я, – произнесла она. – Когда же наконец твой отец придёт? Сколько можно?!

Именно в этот момент книга вдруг сама собой раскрылась на первой странице. Так, а это ещё что такое? Папа что, прятался где-то всё это время и смеялся над собственной шуткой? Ну что ж, мне лично было ни капли не весело, как и Лее.

Я поспешно захлопнула книгу, как будто ничего особенного не произошло.

– Окно, что ли, открыто? – прошептала Леона, пристально глядя на журнальный столик. Теперь подруга была уже не бледной от страха, а почти белой, как молоко.

– Да какое окно? – Я прижала книгу к столу и навалилась всем телом сверху, чтобы в случае чего она опять не открылась. – Тут же только витрина.

– Но как же тогда книга?.. – Губы Леоны дрогнули. Я не успела ответить, потому что почувствовала неприятное покалывание под ладонью. словно сотни маленьких муравьёв ползали по моим пальцам. А потом – ка-ак вцепились! В панике я убрала руки с обложки и так резко дёрнулась назад, что чуть не опрокинулась со стула. А книга снова сама собой открылась на первой главе. Я вскочила и чуть отступила назад.

– Что за...

– *Читай с начала!* – ясно и отчётливо произнёс хрипловатый мальчишеский голос. Он доносился... со страниц книги? Или с потолка? С полок вокруг нас?

Проклятие. Я точно схожу с ума! Странно было только то, что Леона тоже всё это слышит. Ведь с ума обычно вместе не сходят?

Я снова неуверенно шагнула к книге и посветила фонариком смартфона на страницу. Казалось, розовые усики заголовка дико вращаются по кругу.

«Прыжок во времени для начинающих», – прочитала я медленно.

Юноша сидел на деревянной скамье рядом с Эсмеральдой, над ними раскинулось чёрное ночное небо, полное сверкающих звёзд. Каждой клеточкой своего тела Эсмеральда чувствовала прикосновение его тёплой руки. На ней всё ещё была тёмная венецианская маска. Он же, напротив, уже давно снял свою, и теперь она валялась в траве у его ног. Полночь миновала, и можно было наконец раскрыть тайну, раскрыть, кто ты на самом деле. Но, по правде говоря, никакой тайны и не было. Эсмеральда знала, кто сидел рядом с ней, кто кормил её бутербродами с красной рыбой, пока звучал «Вальс цветов» Чайковского, с кем она танцевала последние несколько часов. Она знала. И едва могла дышать от волнения. Она понимала, что он задумал, и почувствовала угрызения совести, когда вспомнила о Филе. Ведь она предала его. Предала, когда вальсировала с Винценцем, крепко его обнимая, когда ела бутерброд из его руки. Как только она могла включиться в его игру? Но Винценц притягивал её, очаровывал, хотя она и догадывалась, что это всего лишь обман. И всё же – его обаятельная улыбка, за которой он пытался скрыть мрачность своего...

В середине предложения я прервалась. Буквы... Они только что двигались. Всего на одно короткое мгновение «В» и «Ц» в имени «Винценц» подпрыгнули, как мячики-попрыгунчики.

Мне стало нехорошо. Я бросила панический взгляд на экран своего мобильного.

23:39.

Ого!.. Если уже сейчас такое мерещится, что же тогда будет через двадцать одну минуту, ровно в полночь, когда просыпаются призраки и злые духи? Неужели из-под кассы выползет какая-нибудь безголовая нежить?

И другие книги тоже оживут? Не самая приятная перспектива.

– С начала! Продолжай читать!

Опять! Я так и вздрогнула. Я не понимала, что тут творится, но явно лучше выполнять то, что требовал этот таинственный призрачный голос.

...скрыть мрачность своего характера, ослепляла её. Эсмеральда знала, что Винценц был позором семьи Брендфейров. Он завидовал своему благородному брату, ненавидел его и готов был на всё ради славы и почёта, лишь бы только превзойти Фила. И совсем неважно, чего это ему будет стоить. Но при этом вёл он себя как истинный джентльмен. Просто идеально. Вот как сейчас. Он подался чуть вперёд, коснулся её маски, мрачно улыбнулся и, наконец, осторожно снял её. Эсмеральду будто парализовало. Одновременно она хотела сбежать – и хотела остаться. Фил. Фил. Фил. Но это не помогало. Винценц. Винценц. Винценц. Его губы...

Клак. В кассовом зале что-то с грохотом опрокинулось. Я едва дышала, и мне казалось, меня прямо сейчас стошнит, так сильно у меня кружилась голова. Смартфон вдруг сам собой подскочил.

23:40. Ровно двадцать минут до полуночи.

Я снова потянулась к книге и уже собиралась продолжить чтение, как вдруг смартфон погас, роман сам выскользнул из моих рук и приземлился прямо у ног Леоны. С громким криком она бросилась в дальний тёмный угол и вся сжалась. Я ошеломлённо уставилась на книгу, которая, упав на пол, начала вращаться, как волчок. Казалось, то тут, то там вспыхивают маленькие молнии, прорезая темноту. Послышался странный треск, будто где-то рядом вспыхнул костёр.

Но я всё-таки смогла взять себя в руки, схватила роман и с силой швырнула его за кассовый стол. Бумага будто гудела, но мне было всё равно. Я хотела быстрее избавиться от этой книги. Папа, конечно, будет в ярости, потому что книга теперь наверняка испорчена. И не просто книга, а долгожданное продолжение всеми любимой истории, да ещё и подписанное знаменитой Ханной Рудерер... Но если серьёзно, как это можно спокойно продавать? Кому вообще нужна эта жуть?!

Я резко выдохнула и повернулась к Леоне, которая по-прежнему пряталась за книгами о здоровом питании, когда прямо за моей спиной неожиданно раздался оглушительный грохот. Как будто выстрел из винтовки.

Не оглядываясь, я тут же бросилась прочь, схватила по-другу за руку и потащила её за собой в самый дальний угол книжного магазина.

Ногти Леоны больно царапали моё плечо. Тесно прижавшись друг к другу и затаив дыхание, мы прислушивались к шорохам за кассой. Кто-то осторожно и медленно шагал по скрипучим старым деревянным половицам.

– О боже, – прошептала Леона мне в ухо. – Ну и что теперь? Может быть, это призрак. Или, ещё хуже, тот старикан с моноклем. Ой, Эмма, а что, если ты была права и он действительно полный псих? Как Джек Потрошитель. Или даже хуже. Вот ужас! Что, если это он расправился тут со всеми сегодня вечером?

– Да тише ты, – прошипела я. – Не выдумывай. Как бы он это сделал? Тут бы тогда всё было залито кровью.

Да уж, умею я подобрать слова, чтобы утешить. Глаза Леоны стали словно мячики для гольфа, она с трудом сглотнула.

Внезапно раздался хриплый кашель. Кто бы или что бы там ни было, он, она (или вообще оно?) – в общем, крепким здоровьем наш незваный гость похвастаться явно не мог. На миг мне даже показалось, что человек вот-вот задохнётся. Впрочем, это было бы к лучшему, ведь так мы избавились бы от злоумышленника. Но через несколько минут кашель прекратился, и до нас донёсся голос (звучал он довольно молодо, а значит, вряд ли принадлежал тому старику):

– Как странно. Я представлял себе это немного по-друго-

му. Так-так, и где же она? – Короткая пауза. – Прошу прощения, почему вы прячетесь? Где вы?

Я так и замерла. Потом медленно повернула голову к Леоне, которая тем временем прижала ладонь ко рту, так, чтобы было не слышно её дыхания.

Снова скрипнули половицы, и послышались глухие шаги. Злоумышленник приближался. Может, нам удастся добраться до книжного шкафа и спрятаться там? Но там не так много места. Что же делать?.. И тут мой взгляд упал на большую картонную подставку, которая рекламировала сегодняшнее мероприятие. Выглядела она так же, как и закладки, которые папа сортировал днём. Фиолетовая, ослепительно блестящая, омерзительно слащавая. А ещё на ней был изображён силуэт парня в вихре времени. Все последние недели я высмеивала эту не слишком удачную рекламу. Теперь она могла стать нашим спасением.

Я подала знак Леоне, чтобы подруга следовала за мной. На четвереньках мы поползли по полу вперёд. Это был единственный шанс незаметно добраться до картонной подставки.

Едва Леона вместе со мной скрылась за картонной подставкой, как кто-то вошёл в зал. Моё сердце забилося как сумасшедшее, и не в груди, а уже даже где-то у самого горла.

– Да где же вы? – вдруг услышала я совсем рядом, и тут же в голову мне пришла безумная мысль. Медлить было нельзя. Я поспешно схватила с ближайшей полки первую попав-

шуюся книгу и вскочила. Леона испуганно прохрипела: «Ты что творишь?», но меня уже было не остановить. Картонная подставка от неосторожного толчка с глухим стуком упала на пол. Незнакомец тут же обернулся, а я с силой ударила его книгой по голове.

Вот так-то! Будет знать, как в нашем магазине копаться!
– Ма-туш-ка моя, что ж вы... – взвыл он.

А в следующее мгновение незнакомец уже лежал без сознания.

Глава 5

Я снова включила фонарик на смартфоне и осветила в лицо незваного гостя. Им оказался парень со спутанными тёмными волосами и синяком на лбу. На вид чуть старше, чем мы с Леей. Одет он был довольно странно. Фрак поверх красной рубашки, тёмные брюки и сапоги для верховой езды, доходящие ему чуть ли не до колен. В наши дни ни один нормальный парень так на улицу не выйдет. По крайней мере, добровольно.

– Ты его убила, – потрясённо прошептала Леона.

– Не говори ерунды. – Я присела на корточки, чтобы рассмотреть незнакомца поближе, и приложила пальцы к его шее. – Пульс есть.

Леона тоже опустила на колени рядом с нами.

– Уверена?

– Конечно. Так быстро никто не умирает.

– Смотри-ка, у него всё лицо блестит.

– Хм... – Вот это действительно было странно. Я чуть наклонила голову парня и осторожно провела указательным пальцем по его щеке. Едва я убрала руку, чтобы рассмотреть блестящую пыль, оставшуюся теперь на моей коже, юноша вдруг резко открыл глаза. Они были тёмно-синими. Такой яркий, неестественный цвет, который бывает только у контактных линз. И я только сейчас поняла, что глаза у него как будто подведены чёрным карандашом. Щедро так подведены...

Мы с Леоной машинально отпрянули. Однако наш таинственный посетитель выглядел не менее испуганным и удивлённым. Он уставился на нас, затем приподнялся немного, отполз чуть назад и наконец поднялся на ноги. Его всё ещё пошатывало, но он не упал, успев опереться на одну из книжных полок. А затем осторожно дотронулся до шишки на лбу и тяжело перевёл дыхание.

– Что... Что всё это значит? За что вы меня так? Я причинил вам какие-то неудобства? Был не слишком почтителен? Вероятно, я могу как-то загладить свою вину?

Немного странно он разговаривал... Как будто ему лет девяносто. Подростки сегодня так не выражаются. Не менее странным было то, что он, ворвавшись сюда, вполне спокойно оправдывался.

– Что тебе нужно в моём магазине? – резко спросила я.

– В вашем магазине? – Парень с любопытством меня разглядывал.

– Ну да, в моём. – Я глубоко вдохнула и постаралась говорить тише. Главное, не показывать, что он меня до смерти напугал. – Точнее, магазин принадлежит моему отцу... Ну да неважно... Я тоже здесь живу, а значит...

– Живёте здесь? Среди этих книг? О, до чего мило! Тогда, думаю, я тут тоже приживусь, почему бы нет? Пожалуй, это место превосходит мои самые смелые ожидания. А когда я смотрю на вас, очаровательная девчурка... Вы производите довольно приятное впечатление. Адекватное. Могло быть намного хуже. Представьте, если бы я попал в лапы какой-нибудь юной чернокнижницы... Ух! В двадцать первом веке не всему можно верить, далеко не всему...

Как он меня только что назвал? У него явно не все дома. Я потрясла головой.

– Ты из психушки сбежал, что ли?

Парень поморщился и снова потёр ушибленное место.

– Разумеется, нет, о чём вы говорите... Это текстовый прыжок. И такая удача, просто поразительно. Все факторы сошлись.

– Да что ты вообще несёшь? – В недоумении я перевела взгляд на Леону, но у той, похоже, отнялся язык. Супер! Вот вам и дружеская поддержка.

А чокнутый парнишка вдруг шагнул ко мне и крепко за-

жмурился.

– Я буду прав, если предположу, что вы читали вслух? – Он провёл ладонью по своей щеке и скривился, увидев на руке блёстки. – Уф... Ну зачем же было добавлять столько блеска на обложку. Выгляжу теперь как маленькая фея.

– А зачем нам надо было читать? – Я ни слова не поняла.

– Да не вам, а Вам.

– Я ведь так и сказала.

– Нет, вы не так сказали. Я говорил о Вас.

– О ком?

– Вот о Вас. О Вас, молодая леди с огненно-рыжими волосами.

Это что, комплимент сейчас был такой? Нет, он точно не в себе. Все эти старомодные выражения, преувеличенная вежливость... Зубы мне тут заговаривает.

– Можешь обращаться ко мне на ты, – наконец выдавила я и едва смогла перевести дыхание. – Ты, конечно, мерзкий грабитель, но... Церемонии тут всё равно ни к чему. Кстати, что это с твоими глазами? – На вопрос о чтении я решила не отвечать. Ему-то какое дело, читала я или нет...

– А что с моими глазами? – Он провёл указательным пальцем по нижнему веку. – Ах это!.. Просто угольный карандаш. Видите ли, отверстия для глаз в маске были чересчур большими, я решил это немного исправить. Но выглядело всё равно не очень. Жаль, не могу вам показать – моя маска

осталась в книге.

Едва он это произнёс, как Леона неожиданно схватила меня за руку.

– Ох ты ж!.. В-ви... Вин...

– Ты что это? – Я повернулась у ней с озадаченным видом.

Леоне не хватало воздуха.

– Это Винценц!

– Кто?

– Винценц Брендфейр, – задыхаясь, произнесла Леона.

Та-а-ак, прекрасно! Теперь ещё и Леа с катушек слетела. Быть яркой фанаткой фэнтезийной трилогии – это ладно. Но чтобы верить, что персонаж книги, который накормил главную героиню бутербродами с рыбой, а потом ещё и пообжигался с ней (интересно, запах рыбы изо рта девушки его совсем не смущал?), сейчас ожил... Нет, это уже перебор! Когда это всё только началось, мне тоже было дико страшно. И я готова была поверить в призраков, но вот представить, что литературный персонаж попадает в реальный мир, я не могла... Потому что существование призраков ещё можно объяснить логически. Ведь что такое призрак? Душа умершего человека, которая по какой-то причине не отправилась в загробный мир, а застряла между небом и землёй. Ну или как-то так. А здесь что? Как это работает? Как парень из книги оказался в нашем мире? Он же просто... чёрные буквы на белой бумаге, которые кто-то напечатал на компьютере или написал от руки чернилами. Но человеком вымышленный

герой от этого вряд ли станет.

– Строго говоря, я – лорд Винценц Ричард Освин Джордж Брендфейр, – поправил Леону парень, устало улыбаясь и тщетно пытаясь стереть с лица угольный карандаш и блёстки. На деле же он только сильнее их размазывал. – Ричард в честь моего прадеда, Освин – в честь деда, а Джордж – в честь отца. Но вы можете называть меня Винцем. Винценц звучит чересчур серьёзно. Да и вообще этот вариант с буквой «Ц» прямо-таки отвратительный. Почему эта старая карга не назвала меня Винсентом на английский манер? Или Винсем? Я же британец! Но что поделаешь. Конечно, можно ещё обращаться ко мне «мастер Винц», если хотите подчеркнуть разницу в происхождении, но я не настаиваю. Это уж как вам больше по душе. Кстати, кто же из вас двоих моя чтица?

Почему-то он смотрел прямо на меня, будто точно знал, что это именно я читала вслух. От испуга я выронила книгу, которой до этого зарядила ему по темечку.

– Да, – протянул он. – Я так и думал, что это ваш голос мне тогда слышался. И как же ваше имя, юное и очаровательное создание?

– Эмма. – И зачем я вообще это сказала?

Застонав, он размазал по штанам блёстки.

– И что же, мисс Эмма, вы всех своих гостей так радушно приветствуете? Вы, верно, не осознаёте этого, но именно вы помогли мне совершить текстовый прыжок, прочитав книгу вслух. Так что теперь я ваш гость. Даже больше скажу –

я связан с вами на всё время своего пребывания здесь. Вы не волнуйтесь, я очень приятный гость и хорошим манерам обучен, хотя матушка никогда не уделяла мне много внимания. Но у меня с малых лет была лучшая гувернантка с Британского острова, добрая старушка мисс Марпл.

Ага. А Шерлок Холмс, должно быть, учил его верховой езде.

Я стояла в дверном проёме, ведущем к кассе, и молчала. Вот уж радость-то! Этот чокнутый теперь связан со мной, замечательно!.. Да я этого парня знаю всего десять минут. И мне уже хватило, спасибо большое. К тому же нельзя не признать, что он действительно подходил под описание злодея Винценца. И я вполне могла представить, что он явился прямо с маскарада. Причём именно из последней подписанной Ханной Рудерер книги, а не из какой-то другой.

И именно за двадцать минут до полуночи.

Но это означало бы... У меня опять закружилась голова. Винценц совсем не был героем своей истории, он был тем, кто...

...пытался скрыть мрачность своего характера за обязательной улыбкой. Тем, кто умело изображал джентльмена, чтобы не выдать своих истинных намерений...

...а ещё тем, кто не обращает внимания на то, что у девушки, с которой он целуется, пахнет изо рта рыбой... И су-

дя по всему, теперь он положил глаз на меня. На меня! На Эмму Грюнвальд, которая вообще ничего общего с этими романами иметь не хотела. Ох, нет, нет, нет! Так, спокойно... Господи, это бред какой-то. Может быть, у меня просто сотрясение мозга после утреннего падения с лестницы? Да, пожалуй, это всё объяснило бы! Винценц – моя галлюцинация. Только почему-то он казался пугающе реальным. К сожалению.

– У вас есть уборная? – вырвал меня из мрачных мыслей его вопрос. Вот, у него даже потребности вполне себе реальные, человеческие. – Эта старая калоша всегда забывает включить в повествование хотя бы небольшую паузу на то, чтобы герой облегчился. Так глупо. Ужасно глупо. Ужасно непродуманно. А я, как назло, выпил слишком много шампанского, хотел произвести впечатление на красавицу Эсму. И она действительно не устояла. – Он рассмеялся и, казалось, ждал от нас какой-то реакции, но, так как мы с Леоной по-прежнему молчали, удивлённо поджал губы. – Ну так что насчёт уборной?

Леона легонько толкнула меня.

– Я думаю, он имеет в виду туалет.

– Т... там, чуть подалее, – хрипло пробормотала я, освещая фонариком мобильного телефона дверь за кассой. – Только свет не работает.

– Вы не переживайте, я хоть и родился в далёком девятнадцатом веке, но, как вы знаете, я путешественник во вре-

мени и знаком с практичным изобретением под названием «карманный фонарик».

Выдохнув с облегчением, он поспешно скрылся за кассой.

Едва он ушёл, я растерянно уставилась на Леону, которая так и стояла с открытым ртом, глядя вслед Винценцу.

– Леа, что нам теперь делать?

– Вообще не представляю.

– От него надо избавиться, пока он... он... не сделал что-то.

– Да-да-да, – кивнула Леона. – Это же Винценц. Он готов был пойти на всё, лишь бы избавиться от Фила. И отравить пытался, и дом поджечь...

– Даже знать не хочу, – быстро перебила я, всё ещё втайне надеясь, что на самом деле это такой дли-и-инный кошмар и скоро он закончится, потому что я проснусь в своей кровати.

Только почему-то я всё никак не просыпалась. Да и на сон, к сожалению, происходящее было не слишком похоже.

– Может, он сам растворится в воздухе, когда взойдёт солнце, – вслух размышляла Леона. – Как бывает с привидениями.

Я посмотрела на часы. Была половина первого ночи. Солнце взойдёт ещё очень и очень не скоро.

– Слушай, Эмма... – Леона с трудом перевела дыхание. – А вдруг это его очередной коварный план? Он же пытается путешествовать по разным эпохам, чтобы стать самым могущественным путешественником во времени. Может, сейчас

он пытается сделать то же самое, но уже в реальном мире...

– Не говори ерунды, Леа. Это же просто история. Его на самом деле вообще не существует!

В голове шумело. К сожалению, у нас не было возможности подумать над тем, что делать дальше, потому что Винценц – или кто бы то ни был, хотя если не Винценц, то кто? – уже вернулся. На его лице не осталось ни следа от угля или блёсток. В одной руке он держал карманный фонарик, в другой – какую-то толстую книгу. Господи, как же я могла отправить его одного в папин кабинет?!

– Эй, а ну-ка, положи на место! Тебе нельзя здесь ничего трогать, – воскликнула я с раздражением.

Винценц задумчиво посмотрел на обложку.

– Это словарь. Не будете ли вы любезны одолжить его мне? Я должен лучше понимать этот мир.

– Тогда советую следить за тем, как и что ты говоришь. Так сейчас ни один подросток не разговаривает. – Я отобрала у него словарь. Это товар из магазина моего отца, в конце концов.

– О, пожалуйста, не забывайте, что я прибыл прямиком из тысяча восемьсот восьмидесятого года. Этого не изменить, и дату рождения выбирал не я. Скажите спасибо моему автору.

– Ты имеешь в виду Ханну Рудерер? – уточнила я. Если это не сон, то парень явно не в своём уме. Но если всё-таки сон, значит, видимо, не все дома у меня. Потому что подобную чушь моё сознание придумало бы вряд ли.

– Вот именно. – Винценц скрестил руки на груди. – Вы знакомы с этой леди, дражайшая мисс Эмма?

Так, похоже, он не собирается разговаривать нормальным языком. Ну ладно.

– Да, мы видели её сегодня, – сказала я. – Она большая знаменитость.

– Правда? – Винценц выглядел искренне удивленным.

– Ну да... Она получала награды.

– Награды? Она? За какие же заслуги? Может, она скачки выиграла? Что-то сомневаюсь. Она же совершенно не разбирается в лошадях и выпала бы из седла ещё до старта. В первом томе я по её милости на шотландском пони катался. На пони! Ничего глупее и придумать невозможно. Так за какие же достижения эта женщина могла получить награду?

– Ну... Может, за то, что она создала вас? – предположила я.

Винценц недоумённо вскинул бровь.

– Награда за меня одного? Надо же, какая честь.

– Нет, я имела в виду вас всех. Эсмеральду, Фила и...

– Ах, Фила, значит, – прорычал Винценц. – Что ж, благодарю покорно, я, пожалуй, услышал достаточно.

Он резко развернулся к нам спиной и снова исчез в кабинете. Судя по донёсшимся оттуда звукам, он с размаху плюхнулся на вращающееся кресло. Прошло ещё несколько минут, но он всё не возвращался.

– Ну и что это было? – Я оглянулась на Леону.

– Он терпеть не может брата, – объяснила она. – Иначе бы не пытался с таким упорством от него избавиться. Хотя мне сейчас кажется немного странным, что Винценц... Я просто представляла, что он намного злее и безжалостнее.

– Ладно, пусть уж лучше так. Давай просто оставим его в покое и подождём здесь, пока мой отец откроет магазин. Завтра, надеюсь, этот парень вернётся обратно в книгу, а пока будем начеку, вдруг он что-то захочет с нами сделать. Можем спать по очереди.

Леона нервно рассмеялась.

– Я и так не усну, пока он сидит в соседней комнате.

Глава 6

С улицы донёсся стук каблучков по асфальту, а вскоре после этого – визг велосипедного звонка. Клеверный переулок медленно оживал. Я открыла глаза. Спина болела, а в голове жутко гудело. Я моргнула и огляделась. Почему я в магазине, а не у себя в спальне? Я лежала на стульях, которые так и остались стоять после вчерашнего мероприятия... Что случилось? И тут я всё вспомнила.

Зараза.

Рядом со мной, держа очки в руке, дремала Леона. Её во-

лосы растрепались, тени для век размазались по щекам.

Ещё плохо соображая спросонья, я села на стуле и потёрла лицо. По крайней мере, сказочного парня нигде не было видно, и это давало надежду, что мне, возможно, всё это просто приснилось. Да, мне всё приснилось, иначе и быть не могло. Вымышленный персонаж из плоти и крови – здесь, в нашем магазине? Ха-ха. Что я вчера ела? Мухоморы? Я хихикнула, затем широко зевнула, потянулась и... так и замерла. Из кабинета вдруг послышался жуткий вопль. Тут даже Леона проснулась.

– Это что такое? Ты тоже это слышала? – встревоженно прошептала она.

О нет. О нет. О нет! Это не могло быть правдой. Это не могло быть правдой!

Я вскочила на ноги и бросилась на крик. В дверном проёме я остановилась.

Вот же влипли.

У нас появилось сразу две проблемы. Огромные проблемы.

Проблема номер один: Филиппа неожиданно выздоровела, хотя ещё вчера у неё был свиной грипп, и как раз пришла, чтобы открыть магазин. Сейчас она стояла между кассой и столиком, где лежали бестселлеры, похожая на статую с широко раскрытым ртом. Даже её волосы, забранные в конский хвост, не дрогнули. Руки безвольно болтались вдоль тела. Её чёрная сумочка висела на одном указательном пальце и ка-

ким-то чудом до сих пор не упала.

Филиппа меня, к счастью, пока не заметила. Она бы уж точно не поверила, если бы я ей рассказала, что тут было прошлой ночью, и такого наговорила бы папе, что я до конца недели отправилась бы под домашний арест.

Впрочем, я, наверное, так и так туда отправлюсь.

Потому что существовала ещё проблема номер два – Винценц Брендфейр, который мирно спал на кассовом столе. Возможно, именно ОН был проблемой номер один. Если не единственной проблемой...

Своими неуклюжими сапогами он умудрился опрокинуть стойку с разноцветными открытками, которые теперь валялись по всему полу. Короче говоря, выглядело это так, будто сегодня ночью по магазину сто раз, если не больше, пронёсся жуткий ураган.

А прямо у ног Филиппы лежал последний экземпляр третьего тома трилогии о полуночи. Тот самый, что я вчера читала вслух. Он был весь чёрный, как уголь. Филиппа, похоже, только сейчас обратила на это внимание, потому что как раз опустила глаза. Буквально через секунду она в ужасе прижала ладонь ко рту и всё-таки уронила свою сумочку. Судя по тому, как менялось выражение её лица, можно было предположить, что она наткнулась на дохлую крысу. Сожжённая дотла книга явно её напугала. Почему, кстати, книга вообще выглядела так, будто её над огнём жарили? Собственно, это было очень похоже на правду, потому что в томе – точнее, в

том, что от него осталось, – была дыра. Да. Дыра...

– В чём дело? – Это прибежала Леона. – Упс... – Когда она поняла, что случилось, то тут же резко замолчала. Даже моя лучшая подруга знала, что с Филиппой лучше не связываться. Она была хуже лорда Волдеморта. Особенно если ей приходилось делать лишнюю работу. А в сложившейся ситуации ей точно придётся её делать. Кому же ещё заново сортировать открытки? Или отмывать пол от блёсток?

Я страдальчески сдвинула брови. Теперь в любом случае отступить было поздно, Филиппа нас заметила и свирепо сверкнула зелёными глазами. Настоящая ведьма.

– Ваша работа? – Её лицо в этот момент было краснее перца чили.

В целях безопасности я сначала ничего не ответила. Это было похоже на сериал «Место преступления». Когда подозреваемых там арестовывают, всё, что они скажут, может быть использовано против них. Так что лучше молчать. Папа, конечно, знал, что Филиппа не слишком любит работать, но, к сожалению, меня он знал ещё лучше. Это не первый раз, когда меня подозревали в том, что я вытворяла здесь глупости. Всего месяц назад, после небольшого конфликта, я в отместку сунула в раздел с детскими книжками несколько кровавых триллеров.

Но в этот раз я действительно была не виновата. Только, к сожалению, доказательств у меня не нашлось.

Собственно, мне и не нужно было ничего говорить, пото-

му что Филиппа не дала бы ничего объяснить. Она яростно размахивала руками и громко ругалась:

– Вы что, книги тут жгли? Совсем спятили? И что это за парень? Ну, Эмма, ну, подожди, вот узнает об этом твой отец!.. Ох, не завидую я тебе!

Только сейчас я поняла, почему так ненавижу Филиппу. Она всегда важничает и считает, что имеет право мной командовать, хотя ей всего семнадцать лет.

К счастью, тут наконец проснулся Винценц, и напыщенная индюшка Филиппа теперь переключила внимание на него. Ну хотя бы на время от меня отстала.

В первый миг он казался немного смущённым, когда пытался пригладить растрёпанные волосы, не отводя взгляда от Филиппы. Надо признать, при дневном свете он выглядел не так уж скверно, хотя на щеках у него остались следы от острых краёв книжки и он вряд ли хорошо выспался. Но тёмно-синие глаза сейчас блестели ярче, а чёрные волосы падали ему на лоб, и синяка почти не было видно. Необыкновенно привлекательный злодей, неудивительно, что Эсмеральда не смогла устоять перед ним на балу.

Стоп.

Почему я вообще об этом думаю? Что с того, что он привлекателен? Ситуацию это никак не исправляет. Его присутствие в принципе не поддавалось логическому объяснению. К тому же из-за него у меня теперь намечались крупные неприятности. Пожалуй, даже хуже ядерной катастрофы.

– Здравствуйте, – сказал он и вежливо улыбнулся, элегантно соскользнув со стола кассы. Он одёрнул фрак и рубашку, затем подошёл к Филиппе, остановился прямо перед ней, нежно взял её руку и, поднеся к губам, поцеловал. – Мне искренне жаль, ситуация действительно очень неприятная. Но я и понятия не имел, что встречу такую прелестную леди... – Тут он подмигнул.

Тьфу! Это было омерзительно. Однако дало результат. Филиппа отняла у него руку, слегка смущённо отвела взгляд и пробормотала:

– Хм, да всё в порядке. Сейчас тебе лучше уйти, мне нужно здесь прибраться, мы открываемся через час, и, если я не успею привести всё в порядок, это отпугнёт наших клиентов. Но ты... Ты возвращайся, я буду тебе очень рада. – После этой фразы она смерила меня злым взглядом, так что меня пробрала дрожь. – Но в любом случае боссу будет интересно, что же здесь произошло. И как с этим связана его дочь. Надеюсь, у тебя есть хорошее оправдание.

– Хм... – Винценц кивнул. – Возможно, я мог бы помочь. Идёмте-ка со мной.

– Э-э, ну хорошо. – Филиппа озадаченно захлопала ресницами.

Что он задумал?

Поражённая, я наблюдала, как он взял её за руку, повёл к папиному кабинету и распахнул дверь.

– Пожалуйста, это там, внутри.

Филиппа шагнула вперёд, и тут Винценц неожиданно толкнул её, совсем не по-джентльменски. Она испуганно вскрикнула, но он резко захлопнул дверь и повернул ключ.

Филиппа начала стучать в дверь.

– Эй! Немедленно выпустите меня! У вас будут неприятности! Эмма, предупреждаю тебя в последний раз...

– Так... – Винценц снова повернулся к нам. – Дело сделано. Идём?

Я уставилась на него.

– Стой, мы же не можем просто так запереть её в кабинете!

– Почему нет? – невозмутимо спросил Винценц и преспокойно направился в Клеверный переулок.

Мы с Леей ещё раз встревоженно оглянулись на кабинет, а затем бросились вслед за ожившим персонажем.

Глава 7

Я жадно вдохнула фруктовый аромат черничного кекса и запах какао. После стольких событий это отлично успокаивало нервы.

Собственно, именно поэтому мы и пришли в наше любимое кафе, где часто сидели с Леоной, когда нужно было решить серьёзную проблему, обычно связанную с парнями. Черничные кексы всегда помогают продумать дальнейшую тактику. Но, к сожалению, сейчас всё было не так просто. Потому что проблема сидела прямо напротив меня на мягкой подушке с розовыми цветочками и с аппетитом уминала шоколадный маффин.

Винценц явно находился под впечатлением. Он следовал за нами по извилистым улочкам маленького городка и с интересом глазел по сторонам, как турист, страдающий от культурного шока. Довольно странная реакция, учитывая, что он – путешественник во времени. По идее, он давно уже должен был ко всему этому привыкнуть. С другой стороны, нельзя было утверждать, что никто не обратил внимания на него. Хорошо, что Винценц, по крайней мере, додумался снять этот нелепый фрак. Красная рубашка, матерчатые брюки и сапоги для верховой езды хотя и выглядели немного глупо, но всё-таки не так глупо, как пиджак с ласточкиным хвостом, который литературный персонаж теперь положил рядом с собой.

Я откусила большой кусок кекса, задумчиво пожевала, а затем облизала липкие пальцы.

– Ладно, выкладывай. Что всё это значит?

Винценц удивлённо поднял глаза.

– О чём это вы, мисс Эмма?

– Ты же не думаешь, что мы... – я указала сначала на Леону, потом на себя, – считаем это нормальным? Не так уж часто книжные героини оживают. А если точнее – такого просто никогда не бывает.

Я отодвинула тарелку в сторону и оперлась локтями о стол, чуть подавшись вперёд.

– А знаешь почему? Потому что это вообще невозможно. Чисто физически, или анатомически, или как там ещё... Те-

бя не существует! Тебя не должно тут быть! Но... Филиппа тебя видела, и официантка тоже. Следовательно, ты не наша галлюцинация.

Винценц самодовольно усмехнулся.

– Так это же замечательно. Это доказывает, что вы не сошли с ума, – радуйтесь.

– Тьфу. – Я свирепо посмотрела на него. – Ты должен объяснить, что происходит.

– С удовольствием. – Он по-прежнему насмешливо улыбался, когда протянул руку через стол и спокойно погладил меня по предплечью. Его рука была тёплой, а прикосновение щекотало так сильно, что по коже побежали мурашки. Тем не менее, я отдёрнула руку.

– Это ещё что? – выдохнула я.

– Ну вы же хотели объяснений, – спокойно ответил Винценц и поправил волосы на лбу, чтобы прикрыть небольшую царапину, оставшуюся после того, как я ударила его книгой. – Я существую. Я вполне реален. По моим жилам течёт кровь. И вы, дражайшая мисс Эмма, в немалой степени этому поспособствовали.

– Мечтай дальше! – Я нервно рассмеялась. – Я же не твоя мать. И придумала тебя тоже не я. Так что нет, и не говори так больше. Кстати, а сколько тебе вообще лет?

Винценц снова поправил волосы.

– Так вы же знаете мою историю.

Хотя мне могло было быть всё равно, но в тот момент я

почувствовала себя очень глупо, потому что романов я не читала. Я очень не хотела, чтобы Винценц об этом догадался, но, видимо, у меня всё было написано на лице. Он вдруг криво ухмыльнулся, и в этот момент я его по-настоящему возненавидела.

– Да вы шутите! Дочь книготорговца – и не читает. Ну хорошо, я отвечу на ваш вопрос. В третьем томе мне только исполнилось шестнадцать. И конечно же, вы не моя мать. Это стало бы большой неприятностью.

От его гнусного смеха у меня чуть кровь не застыла в жилах. Что это за неуклюжие намёки?

– Моя мать – леди Оливия Шарлотта Эрминтруда Этельред Брендфейр, – затем добавил он.

– А вот и нет, – вмешалась Леона с полным ртом. – Она твоя приёмная мать, а лорд Джордж Брендфейр – твой приёмный отец. Он нашёл тебя в Лондоне на рыбном рынке, когда ты был ещё маленьким, и из жалости взял к себе. Так что ты вовсе не настоящий лорд.

Винценц равнодушно пожал плечами.

– Ну, может быть, и так. Вы не первая, кто говорит подобное. Но выходит, вы-то, в отличие от необразованной дочки книготорговца, прочли все книги. – Теперь он смотрел на меня довольно пренебрежительно. Вот идиот! Ведь девушка не обязана читать все глупые фантастические любовные романы и знать о сложных семейных отношениях персонажей.

– Чтоб ты был в курсе, я уже в три года научилась читать.

Но предпочитаю настоящую литературу. Такие книги, над которыми интересно подумать, а не такие, в которых финал можно предсказать уже по первым двум страницам. Например, «Войну и мир» Толстого, – буркнула я. На самом деле я понятия не имела, что такое «Война и мир», но прадедушка Генрих умер в прошлом году, как раз читая этот толстенный том, и это было первое, что пришло мне в голову. Кроме того, название звучало довольно солидно. Хотя, конечно, девочек-подростков, которые прочли «Войну и мир», явно не так уж много.

– Да что вы! – И снова эта надменная ухмылка на лице Винценца. – Стало быть, вы знаете, чем там всё закончится?

– Хм, ну разумеется. – Отлично, теперь голова кружится. – Сначала война, а потом мир. – Ну надеюсь, хоть немного угадала.

Он рассмеялся.

– Наивное вы создание, я имел в виду концовку своей трилогии. Вы же сказали, что через две страницы уже поняли, чем всё закончится.

– Ну Фил и Эсмеральда определённо будут вместе. Может быть, они поженятся. И у них родится ребёнок, который тоже станет путешественником во времени, – снова сказала я наугад.

– Что ж, вполне возможно. – Он запихнул в рот остатки своего кекса. – Мне это, к сожалению, неизвестно.

– Как это? – Я удивлённо посмотрела на него. Леона то-

же выглядела озадаченной. Если уж даже эксперт по трилогии о полуночи не понимает, о чём речь, тут явно ожидается что-то серьёзное. Впрочем, она же пока не прочитала третью часть.

Казалось, Винценцу самому тяжело обсуждать эту тему.

– Я умру намного раньше, – наконец выдавил он.

– ЧТО?! – Леона вскочила на ноги и чуть не опрокинула стол. Из-за резкого толчка какао из моей чашки вылилось и растеклось по деревянной столешнице. Я поспешно схватила салфетку, чтобы вытереть лужу, прежде чем всё потекло бы на пол. Люди с любопытством начали на нас оглядываться.

Леона снова села, шумно выдохнула и свирепо посмотрела на Винценца.

– Большое спасибо за спойлер. Я же ещё не читала!

Винценц тихонько вздохнул.

– Прошу прощения, мисс, но это, по крайней мере, объясняет, почему я здесь.

– Не-а, ничегошеньки это не объясняет, – возразила я. – Мёртв ты или жив, но с научной точки зрения переместиться из книги в реальность невозможно. Итак, давай-ка с самого начала. Что произошло прошлой ночью?

– Хорошо. – Винценц сложил руки на груди и откинулся на спинку диванчика. – Точного объяснения у меня тоже нет. По крайней мере, я не могу объяснить, как это происходит физически, а вас, судя по всему, интересует именно это. Но тут нужно просто признать, что в жизни есть вещи, ко-

торые наука пока объяснить не может. Итак, случилось вот что: мне с первой же главы не понравилось, как будет развиваться сюжет. Но что мне оставалось, кроме как играть свою роль? И когда эта дерзкая нахалка-недоучка, возомнившая себя великой писательницей, дописала второй том примерно до середины, я вдруг понял, какая трагическая судьба мне уготована. – Он замолчал и выжидающе посмотрел на нас с Леонрой. Мы молчали. – Она решила отправить меня к праотцам. Избавиться от меня! От меня... – начал он.

– Ладно, мы поняли, – раздражённо перебила я и закатила глаза.

– Надо же, поняли они, – съязвил Винценц. – Как бы то ни было, я разработал план, чтобы совершить текстовый прыжок и тем самым разрушить её коварный замысел. К сожалению, вовремя мне это сделать не удалось. И теперь остаётся одно – заставить её переписать всю ту мерзость, которая случилась до этого.

– А что такое текстовый прыжок? – спросила я.

– Единственный способ войти в реальный мир, – объяснил Винценц. – Это довольно сложно, и было бы бессмысленно объяснять это двум простодушным молодым леди. Если вкратце: мне нужен был чтец с богатым воображением, чтобы прочитать именно ту сцену, в которой я действую как можно более страстно. Какое счастье, что я всё же смог уговорить вас, мисс Эмма, прочитать начало. В конце повествования уже нет таких ярких моментов со мной. Потому что,

как сказал бы великий и мудрый Чарльз Диккенс, я к тому времени давно уже мёртв, как дверной гвоздь. Кстати, текстовый прыжок должен произойти обязательно в полнолуние. И это ещё больше усложняет дело: есть подходящий чтец – нет полнолуния, есть полнолуние – нет подходящего чтеца. Замкнутый круг.

– А как с тобой связан старик с моноклем? – поинтересовалась я.

– Кто-кто? – Винценц наморщил лоб.

– Там, на мероприятии, был старик с моноклем, – объяснила Леона. – И он показался нам немного странным.

– Ну, – протянул Винценц. – Должно быть, это просто совпадение, хотя, с другой стороны, не очень-то удивительно. У такой писательницы, как придумавшая меня дама, наверняка много странных почитателей. Но к моему текстовому прыжку он точно никакого отношения не имеет. Просто вчера судьба была ко мне благосклонна.

– К тебе-то, может, и да... – вздохнула я. Голова шла кругом. – А насчёт нашей связи... Я тебя не держу, можешь идти, куда хочешь. Серьёзно – необязательно всё время оставаться рядом со мной, я тебя отпускаю.

Мои слова вызвали у Винценца лишь усталую усмешку.

– Извините, мисс Эмма, но как раз таки на это у вас нет никакой власти. Едва я отхожу от вас больше чем на сто шагов, книга начинает засасывать меня обратно. А мне, поверьте, очень не хочется заново путешествовать по страницам.

Это пренеприятно. Не хотелось бы опять всё это переживать. А посему – я уж лучше останусь тут с вами.

Потрясающе. Влипла так влипла! Прочитала вслух сладкую сказочку о любви, и теперь у меня появился гость из книги. А виновата во всём писательница в розовой блузочке, которая решила снять обувь во время чтения на публику, а до этого её ещё и понесло куда-то не туда при создании сюжета (если, конечно, Винценц сказал правду и не планировал вскоре напасть на нас с Леоной из засады). Вот этого мне бы совсем не хотелось.

Глава 8

Оставалось ровно два часа до того, как папа закроет магазин. Я стояла, прислонившись к стене дома, на другой стороне переулка и смотрела, как он помогает старушке с кудрявыми, будто шерсть пуделя, волосами выбрать книгу. В этом ему равных не было. Иногда папе достаточно было просто посмотреть на человека, чтобы понять, какие книги его заинтересуют. Казалось даже, что он умеет читать мысли. Я не подавала виду, но в глубине души немного гордилась своим отцом. Но сейчас я уже и не знала, как посмотрю ему в глаза. Филиппа наверняка в красках описала историю с беспорядком за кассой и сожжённой книгой, при этом выставив меня виноватой во всём.

– Позвольте узнать, что вы собираетесь делать дальше,

мисс Эмма? Или так и будете смотреть в пустоту, пока дыру в стене не просверлите? – окликнул меня Винценц. Я резко оглянулась, он стоял чуть в стороне. Леона тем временем ушла домой, оставив лучшую подругу наедине с полоумным, который продолжал утверждать, что связан со мной невидимыми цепями.

– Ничего не собираюсь, – фыркнула я. – Из-за тебя я теперь не знаю, что меня ждёт, когда папа закончит работу. Как мне ему объяснить, почему твоя книга в таком жутком состоянии?

– Хм... – Винценц задумчиво почесал кончик носа. – Можно просто сказать, что том сам по себе загорелся, необъяснимым образом. И тогда вас не станут ругать. Никто не должен узнать правду.

Я нахмурилась.

– Правда в том, что я не имею к этому *никакого* отношения.

– А вот тут вы ошибаетесь, мисс Эмма. – Винсент прикусил нижнюю губу, когда я сердито на него посмотрела. – Это ведь вы бросили книгу в момент моего текстового прыжка. Удивительно, что сам я остался жив после такого. Вели бы себя спокойнее, и ничего бы не произошло. Но вы не бойтесь, я вас не выдам вашему дражайшему батюшке. Я же не такой негодяй.

Презрительно фыркнув, я отвернулась. Теперь он ещё и решил свалить на меня ответственность за всю эту катастрофу.

фу! Только вот моё существование не зависело от его присутствия. Я без него проживу, а что с ним без меня будет? Быстро оттолкнувшись от стены дома, я молча зашагала по другой стороне переулка к зелёной входной двери рядом с книжным магазином. Через эту дверь можно было пройти на небольшой задний двор, а оттуда – к парадному входу в жилой дом и дальше прямо в квартиру над магазином. Конечно, обычно, чтобы попасть в квартиру, я проходила через книжный магазин, потому что так могла поздороваться с папой. Но сегодня этой встречи лучше было избежать. Хотя он, конечно, никогда не стал бы упрекать меня в присутствии клиентов, но его осуждающих взглядов вполне хватило бы, чтобы я чувствовала себя виноватой.

Я достала из кармана брюк запасную связку ключей, которую мы забрали у матери Леоны в парикмахерской. Эти ключи хранились там на самый крайний случай с тех пор, как я однажды оказалась у запертой двери, когда папа был в командировке, а бабуля Фрида не успела вовремя встретить меня после школы. Мне тогда было восемь. Итогом стали три часа на морозе и две недели гриппа.

Винценц подскочил ко мне.

– Мисс Эмма, что это вы делаете?

От неожиданности я вздрогнула, а потом посмотрела на него с нескрываемым раздражением.

– Прекрати уже называть меня «мисс Эмма»! Это просто невыносимо! И, к твоему сведению, я сейчас иду домой.

Приму душ. И буду ждать казни.

– О господи, казни? Это из-за книги? – удивлённо ахнул Винценц. – Жёсткие же, однако, у вас в реальном мире законы.

– Да, так что берегись, – пригрозила я ему. – И я, конечно, не возьму тебя к себе домой. Так что хорошего дня. – Я толкнула дверь внутрь.

– Секундочку, так не пойдёт. – Винценц придержал дверь и преградил мне путь. – Я же объяснил, что мне нужно находиться рядом с вами, чтобы не исчезнуть.

– Да, я в курсе, – прорычала я. – Но тебе всё равно нельзя у меня жить. Как я должна объяснить твоё присутствие папе?

– Я мог бы выдать себя за вашего любовника, – предложил Винценц. – Поверьте мне, я в этих вещах вполне опытен.

– Палку не перегибай. – Я чуть пригнулась, скользнула под его рукой и, прежде чем он успел последовать за мной, захлопнула дверь перед его носом.

Получилось.

Во дворе я выдохнула и прислонилась спиной к двери, слыша, как он стучит снаружи.

– Дура вы набитая, откройте немедленно! – Вот, теперь уже и за словами не следит. Порядочности и манер у него, как оказалось, не больше, чем у разбойника Хотценплотца, а эта его гувернантка, мисс Марпл, судя по всему, не слишком хорошо выполняла свою работу.

– Проваливай! – крикнула я. – Найди какую-нибудь ска-

меечку в парке, ста шагов до неё хватит.

Я подождала ещё чуть-чуть. Однако, к моему большому удивлению, стук прекратился. Неужели я и вправду смогла от него отделаться? Ух ты. Это оказалось легко.

Наверное, это самое прекрасное в мире чувство, когда после насыщенной событиями ночи и тяжёлого дня ты принимаешь тёплый душ, надеваешь свою уютную пижаму и наконец-то можешь устроиться на диване в гостиной со стаканом апельсинового лимонада, точно зная, что внезапно оживший герой книги тебя больше не побеспокоит.

Я натянула на ноги пушистое одеяло. До возвращения папы оставался час, и хотелось немного отдохнуть, ведь я всё ещё понятия не имела, что будет дальше. Всё зависело от того, что папе наговорила Филиппа. Задумчиво я отпила из стакана и уставилась на стену, которую практически полностью закрывал книжный шкаф. В этом плане наша квартира мало чем отличалась от магазина. Разве что тут покупатели не сновали. Большая часть предметов интерьера принадлежала прадедушке Генриху, который, в свою очередь, унаследовал их от своих родителей. Соответственно, выглядело всё не слишком современно. Но на самом деле мне нравилась наша старая мебель, нравились высокие потолки, потому что от их вида у меня возникало ощущение, что я живу в маленьком замке. Который, правда, примерно на девяносто пять процентов состоит из библиотеки. Пожалуй, в мировой

литературе не было такой книги, которой не нашлось бы у нас в квартире. А книги надо где-то хранить...

На миг мой взгляд задержался на старом телевизоре. Вот он, конечно, в общую картину совсем не вписывался. К тому же телевизор был давно сломан, но папу это совершенно не волновало. Каждый раз, когда я напоминала ему о том, что телевизор надо бы починить, он говорил, что вместо просмотра телевизора я могла бы почитать книжку или газету, потому что телевизор в любом случае вреден. В этом плане он был очень консервативен.

Я почти допила лимонад, когда раздалось лягушачье кваканье. *Квак, квак, квак.* Я посмотрела на дисплей смартфона. Звонила Леона. Наверное, хотела узнать, как всё разрешилось с обугленной книгой. Да и не мешало бы обсудить, что нам делать дальше – без Винценца.

Я поставила пустой стакан на журнальный столик и приняла вызов:

– Привет, Леа, я тут вот что подумала... – Ответа не последовало, и тогда я продолжила: – Винценц ведь говорил, что он начинает растворяться в воздухе, если удаляется от меня больше чем на сто шагов. Возможно, это способ избавиться от него окончательно. Мы могли бы попросить твою маму поехать с нами в торговый центр на окраине города. Так он точно за нами не угонится.

– Как интересно. – Этот мужской голос, раздавшийся на другом конце провода, совсем не походил на голос Леоны.

В ужасе я уставилась на экран смартфона. – Вы сказали – Винценц?

У меня сердце чуть не выскочило из груди. Как у него оказался телефон Леоны? Неужели он напал на неё, заткнул ей рот кляпом и ограбил? Но он ведь даже не знал, где она живёт. Во всяком случае, я только что выложила ему весь свой план. Вот чёрт! Надо же было так облажаться!

– Мы ведь договорились, что вы будете звать меня Винц. – Его голос звучал так, будто он сильно запыхался. – И я был бы безмерно рад, если бы вы мне НАКОНЕЦ-ТО открыли. Здесь, наверху, не слишком уютно, а голуби – весьма неприятная компания. Эти пернатые создания мне на руку нагадили. И я не знаю, сколько ещё смогу продержаться. Я ведь уже говорил, что я человек. Разбиться насмерть о камни мостовой – отнюдь не самый приятный способ расстаться с жизнью. Кроме того, я уверен, что ваш уважаемый папа не придёт в восторг, обнаружив мои останки прямо перед входом в книжную лавку. Вообразите, как долго их придётся соскабливать с тротуара.

– О чём ты? – удивилась я и в ответ услышала:

– А вы оглянитесь и всё поймёте.

Я повернула голову, и у меня даже дыхание перехватило от ужаса, когда я увидела за оконным стеклом Винценца. Одной рукой он неуклюже хватался за водосточный жёлоб, в другой держал смартфон Леоны. Его лицо было красным от напряжения, и даже с некоторого расстояния я могла разли-

читать у него на лбу бисеринки пота. Подъём на второй этаж, должно быть, оказался довольно утомительным для него, у меня же от одного его вида все мышцы заболели. Интересно, что обо всём этом думали прогуливавшиеся по Клеверному переулку люди? По крайней мере, никто пока не вызывал полицию. Ну я надеюсь.

Я, поспешно вскочив с дивана, босиком направилась к окну. И так резко распахнула оконные створки, что Винценц испуганно дёрнулся назад.

– Я вас умоляю, мисс Эмма. Давайте не будем совершать глупостей, только не сейчас.

– Ну... – Я скрестила руки на груди. – Назови хоть одну причину, по которой я должна тебя впустить.

– Что ж... – Винценц напряжённо вздохнул. – Мы могли бы поговорить о том, как мне от вас отделаться.

Звучало интересно, даже заманчиво. Я оперлась обеими руками на подоконник, так что у Винценца не было возможности обмануть меня и самостоятельно забраться внутрь.

– Выкладывай.

Он не отводил от меня взгляда.

– Нет.

– Что – нет?

– Ничего не скажу, пока не буду уверен, что моей жизни ничего не угрожает.

– Да ты блефуешь, – догадалась я.

– Клянусь королевой, вы всерьёз полагаете, что мне инте-

ресно проводить с вами время? Да вы же явно не в себе! Вы пытались меня убить – книгой!

Так, ну это уже слишком! Этого я терпеть не стану.

– Ах, это я не в себе? Ты уже три тома подряд только и занимаешься составлением коварных планов убийства своего брата!..

Винценц сердито посмотрел на меня.

– Вам этого не понять. Мышление, судя по всему, не является вашей сильной стороной, иначе вы бы не выдумали такой глупый план разорвать нашу с вами связь. Вы же понятия не имеете, какими будут последствия!

Я раздражённо фыркнула. Но было и так ясно, что ситуацию надо как-то исправлять, а не ссориться попусту. Я отступила чуть в сторону и протянула ему руку.

– Ладно, заходи.

Винценц мгновение недоверчиво колебался, но потом всё же взял меня за руку и легко запрыгнул в комнату.

– Благодарю вас. – И снова эта очаровательная ухмылка. Что-то в нём всё-таки привлекало, он был... Полнейшим идиотом! Но всё же... Я молча размышляла о том, почему никто из моих одноклассников не мог с ним даже сравниться. Вероятно, это было связано с тем, что Винценц – персонаж книги и потому выглядит совершенно неестественно. Хотя тонкий шрам тянется от его левой щеки почти до самого глаза... Вполне себе реальный шрам. В первой части Фил во время драки ударил его кочергой. До этого момен-

та дочитала даже я. В любом случае мне вдруг показалось немного глупым, что я стою перед ним босиком в потёртой белой плюшевой пижаме с рисунком Hello Kitty.

Однако его это вряд ли раздражало, у него были другие заботы.

– Не знаю, как вы, а я бы с удовольствием избавился от вонючих голубиных экскрементов на руке.

АЙ, МЕРЗОСТЬ КАКАЯ! Это было абсолютно отвратительно. Неужели он действительно осмелился?.. Я медленно перевела взгляд на свою руку, которой только что втащила его в комнату.

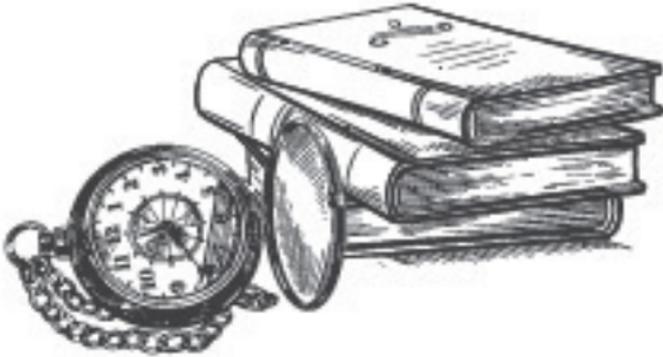
– Не переживайте, я пошутил, – усмехнулся Винценц. – Искушение, конечно, было велико, но я хочу, чтобы вы поняли: я не негодаяй.

– Ты... – сердито начала я, когда меня внезапно прервал щелчок ключа в двери квартиры. Вскоре после этого раздался папин голос:

– Эмма, я вернулся! Ты не могла бы зайти в гостиную? Нам нужно поговорить.

Глава 9

– Быстро лезь под диван! – прошептала я, хватая Винценца за рукав и подталкивая его к дивану.

Снаружи уже слышались папины шаги. Зазвенели ключи; наверное, он просто положил их, как и всегда, на маленькую полочку в коридоре и теперь шёл к моей комнате в своих домашних тёмно-зелёных войлочных тапочках, которые, как я думала, он уже давно перестал надевать. Их папе купила в прошлом году на Рождество бабуля Фрида, которая, вероятно, была не совсем трезва, когда выбирала подарок. На них был вышит слон, больше похожий на бегемота, мутировавшего от радиоактивного излучения.

Я лихорадочно пыталась спрятать Винценца под диван, прижимая его плечи к полу, но это было не так-то просто,

потому что, во-первых, он сопротивлялся, а во-вторых, был значительно сильнее меня.

– Да я же туда не помещусь, неужели не ясно? Лапки прочь!

– Говори тише, а то папа тебя услышит! И втяни живот, тогда точно пролезешь. – Беспокойно прищурившись, я метнулась к двери гостиной. Папины шаги становились громче. Вот он остановился у двери моей комнаты и постучал.

– Морковка, ты здесь?

Отлично. Есть ещё немного времени.

Винценц между тем неохотно подчинился своей судьбе и, тихо застонав, скрылся под диваном, а я схватила одеяло и разложила его таким образом, что оно доставало до самого пола и закрывало нашего непрошеного гостя. Только с одной стороны оказались заметны кончики его сапог, но было слишком поздно беспокоиться об этом. Папа с белым пакетом в руках вошёл в гостиную. К счастью, он не мог заметить торчащие из-под дивана сапоги с того места, где сейчас стоял. Теперь главное – не дать ему подойти ближе.

– Вот ты где, – сказал он. – Что же ты не отвечала?

– Я... – пробормотала я, медленно оглянулась на него и при этом сама себе наступила на ногу. – Я... Я тебя не слышала... Совсем ничего не слышала... Задумалась просто...

– Вот как? – Папа положил пакет на стол и выудил оттуда картонные коробки с китайской едой из ресторанчика навынос. По комнате поплыл кисло-сладкий запах курицы, кото-

рый ни с чем нельзя было перепутать. – И что же ты делала?

– Да так. – Немного поругалась с книжным героем, который загадочным образом ожил, а потом запихнула его под наш диван. Я огляделась. Лишь бы папа не заметил, как я нервничаю... И тут в глаза мне бросилась книга, которая лежала на журнальном столике рядом с пустым стаканом из-под лимонада. «Оно» Стивена Кинга. – Читала!

Теперь папа поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Почему он смотрел на меня с таким... недоверием? Что ещё я могла тут делать, если не читать? Телевизор-то сломан, и в ближайшую сотню лет его точно не починят.

– Хм, – пробормотал он. – Мне казалось, я слышал мальчишеский голос.

– Нет-нет, – поспешно заверила я. – Это всё Леа... Точнее... Это я. Я ей читала вслух... по телефону... вошла в образ и... Ну чтобы всё звучало более зловеще и жутко.

Папа приподнял бровь – эту мимику я, к сожалению, знала слишком хорошо. Он не поверил ни одному моему слову, но лишь молча указал на дымящиеся картонные коробки.

– Твоя любимая. Садись, пожалуйста, за стол.

Я робко шагнула ближе. Папа был странно молчалив. Тоже не слишком хороший знак – значит, он ужасно рассержен или обеспокоен чем-то. Тут и гадать не нужно было, в чём причина. Конечно, всё дело в беспорядке внизу с утра пораньше. Правда, немного странно, что он принёс моё любимое лакомство, если собирался меня отчитывать.

И тут я поняла, что он собирается сесть прямо напротив дивана.

– А можно сегодня я там сяду? – попросила я.

– Но это моё место, – удивился он.

– Конечно... Просто... Я же очень маленькая для своего возраста. А в одном журнале писали, что для быстрого роста полезно смотреть на север во время еды. – Я и сама в жизни не слышала большего бреда, тем более что за последние два года не выросла ни на сантиметр. Да я и в принципе вряд ли вырасту выше метра шестидесяти, потому что и мама у меня была небольшого роста. От генетики никуда не деться. Но лучшего оправдания я не придумала. Вздохнув, папа обошёл вокруг стола.

– И что это за журналы такие ты читаешь? – проворчал он, но всё же сел спиной к дивану.

Ух, пронесло, кажется. Я тоже с облегчением опустилась на стул. Хотя бы частично проблема была решена, и я могла всё контролировать.

Медленно придвинув к себе коробку с рисом и курицей, я уже запустила туда вилку, когда папа вдруг откашлялся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Филиппа мне кое-что рассказала.

– Правда? – Я пыталась отвести взгляд. Ох, Филиппа... Надеюсь, призрак прадедушки Генриха обрушит на неё книжный шкаф.

– А ты мне ничего не хочешь сказать?

Ха. Он это сейчас всерьёз? Конечно, я не хотела ему ничего говорить. Филиппа наверняка наплела ему достаточно, хотя не имела ни малейшего представления о том, что произошло прошлой ночью. Текстовый скачок и дальнейший фокус-покус с появлением Винценца из глупой книжки... Я молча откусила кусочек от курицы и покачала головой.

– Эмма. – Папа говорил скорее обеспокоенно, чем раздражённо. – Тебя не было в твоей комнате сегодня ночью. Думаешь, я этого не заметил? И связаться с тобой я тоже не мог. Поздновато, конечно, я обратил внимание, потому что... у меня были кое-какие дела. Итак, когда ты сбежала и с кем ещё, кроме Леи, ты обычно общаешься?

Ага! Значит, папы вообще не было дома! Интересно, где же он был?

Я была сбита с толку и совершенно не понимала, почему вдруг стало так важно, с кем я дружу.

Нет, правда – какое это имеет отношение к тому, что случилось? К тому же я не по своей воле провела ночь в книжном магазине. Собственно говоря, папа сам был во всём виноват. Это же он забыл о нас. Но, похоже, эту крошечную деталь он сейчас тоже решил опустить.

– Хочешь, отправь меня под домашний арест на неделю, – проговорила я после недолгого раздумья. Не говорить же ему в лоб, что это произошло во многом из-за его легкомыслия. Мне лишние неприятности ни к чему. – Я всё понимаю, я заслужила. Правда, понимаю. Испорченная книга, все де-

ла... – Я сунула себе в рот большую порцию риса и с трудом выдавила улыбку.

Папа провёл рукой по бороде, в которой запуталось зёрнышко риса.

– Да? На неделю? Может, всё-таки на две?

Чёрт.

– И о какой из двух книг ты сейчас говоришь? О той, что обуглилась, или о той, что мы обнаружили в пылесосе?

Я поджала губы. Дурацкий триллер.

Неужели это должно было всплыть именно сейчас? Впрочем, я могла бы догадаться, что Филиппе сегодня понадобится пылесос, чтобы убрать с пола блёстки.

Я молчала.

– Но это на самом деле не так важно, – тихо произнёс папа.

Теперь уже я недоверчиво смотрела на него. Неужели инопланетяне похитили моего отца и вместо него оставили двойника, менее помешанного на книгах? Или... Что всё это значит?

– Что это за парень во фраке был здесь сегодня утром?

Сердце пропустило удар. Не отвечая, я начала есть быстрее. Чёрт, чёрт, чёрт! Мне нужен был какой-то предлог, и как можно скорее. Но мой мозг, казалось, совсем перестал функционировать.

– Эмма. – Теперь папин голос звучал так, будто он выпил уксуса. – Ты уже не маленькая... И вполне логично, что ты начала интересоваться... определёнными вещами... и... По-

слушай, я... Я понимаю, тебе не хватает мамы. Но со мной ты тоже всегда можешь поговорить. Пока не наделала глупостей.

Ах ты боже мой! Час от часу не легче. Я обеими руками обхватила тёплую коробку с едой и притянула её ближе к себе. Глупостей? Каких ещё глупостей?! Папа всерьёз решил поговорить со мной об этом именно здесь и сейчас? Ну уж нет! Я не собиралась обсуждать с ним тему «Эмма Грюнвальд, мальчики и прочие катастрофы» за ужином, тем более – в присутствии Винценца. Да я ещё даже не целовалась ни разу – поцелуй в щёчку от Джонаса не считается. И вообще – я на уроках биологии не мух ловила, я в курсе, что детей не аист приносит. Так что и обсуждать-то нечего!

– Хм, – уклончиво пробормотала я и, чтобы выиграть время, отправила в рот очередную порцию риса, так что теперь была похожа на маленького хомячка и смотрела на папу невинным взглядом. При других обстоятельствах я бы просто разлилась и ушла к себе в комнату, но сейчас не могла выйти из гостиной, не опасаясь, что Винценца обнаружат. А тут вдобавок ко всему прочему нарисовалась ещё одна проблема. У меня прямо глаза на лоб полезли, когда я увидела, что за папиной спиной Винценц выполз из своего укрытия.

О боже! Вот и всплыла его злодейская натура! Именно сейчас он решил претворить в жизнь свой коварный план – хладнокровно прикончить моего папу, а затем похитить меня! В свой книжный мир! Если это вообще было ему по

силам. Очень надеюсь, что всё же нет. Потому что иначе это определённо было бы вершиной катастрофы! В книжном мире я бы даже полицию не смогла вызвать. Кроме того, «За двадцать минут до полуночи» была последней историей на Земле, в которую я хотела бы попасть. Ну ладно – в книгу Стивена Кинга мне тоже не то что бы очень хотелось.

Неужели всё это время Винценц планировал похищение? Сейчас он молча смотрел на меня, и мне показалось, его глаза странно сверкнули. Нужно срочно что-то предпринять, иначе события выйдут из-под контроля.

– Приготовишь нам чай? – как-то резко и совершенно неестественно выкрикнула я. Папа недоумённо посмотрел на меня:

– Чай?

– Ага. – Я нервно покосилась в сторону Винценца, который тем временем почти выпрямился. По крайней мере, он делал всё это бесшумно. И всё же сердце у меня заколотилось как бешеное. Ой, что будет, что будет... – Пожалуйста, сделай нам чай. Это срочно. – Я говорила так быстро, что голос почти срывался. – Ты прав, нам надо поговорить. Я должна тебе кое-что рассказать. Есть проблема. Но я смогу тебе всё рассказать только тогда, когда мы выпьем чаю. Речь идёт о парнях. Вернее, о парне. Об одном конкретном парне.

– О парне? – Папа изменился в лице.

– Сначала принеси чай. Пожалуйста!

– Что случилось? Ты вся бледная, – забеспокоился папа.

Как же иногда тяжело с родителями... Беспокойно прикусив нижнюю губу, я молилась, чтобы он наконец вышел на кухню. Тогда у меня появился бы крошечный шанс незаметно перепрятать Винценца в мою комнату. А при необходимости – вырубить его каким-нибудь тяжёлым предметом.

Но папа, по-видимому, не слишком серьёзно воспринял просьбу о чае.

– Знаешь, малышка, когда я встретил твою маму, мы были всего на несколько лет старше тебя сейчас. Она приходила в магазин каждые выходные и тайком читала книги, не покупая их. Строго говоря, я должен был сделать ей замечание, потому что так не полагалось, но вместо этого я просто долгие месяцы наблюдал за ней. Я не хотел ей этого запрещать, потому что иначе она, вероятно, больше никогда не пришла бы к нам. А её визиты стали для меня единственной возможностью регулярно смотреть на неё. Она была невероятно красива, с длинными рыжими волосами, солнечными веснушками. И её лицо будто преображалось, когда она читала. Его словно освещал невидимый свет. Твоя мама была действительно... уникальной.

Я натянуто улыбнулась. Сейчас, правда, было не самое подходящее время для папиных историй о маме, хотя обычно я любила их слушать. Это давало мне возможность узнать её получше. Но сейчас Винценц уже стоял рядом с диваном в полный рост и нагло мне ухмылялся.

– Во всяком случае, – продолжал папа, ничего не подозре-

вая, – я всё ещё думаю, что она сказала бы тебе в той или иной ситуации. Ты очень похожа на неё, Эмма, такая же умная... И я уверен, что в общении с мальчиками она не советовала бы тебе спешить. Она меня-то к себе долго не подпускала. Прошёл год, прежде чем мы пошли на наше первое свидание. А ещё через полгода мы...

Мне стало тошно. Этих подробностей я знать уж точно не хотела. Так ещё и Винценц подкрадывался к ничего не подозревающему отцу всё ближе. Ну не время сейчас для разглагольствований!.. Я яростно моргнула, пытаюсь дать Винценцу понять, что ему нельзя подходить к папе. Но он просто проигнорировал меня, и вот он уже стоял прямо за папиной спиной и поднял руку. Всё было будто в замедленной съёмке. Секунда – и он бы коснулся папиного плеча, но папа как раз в этот миг неожиданно поднялся, так что Винценц инстинктивно отпрянул.

– Ладно, пойду заварю чай, чтобы ты наконец объяснила мне, в чём же дело. Всё будет хорошо, не волнуйся, – сказал папа и улыбнулся.

Меня прошиб пот, когда он наконец вышел из гостиной и через секунду исчез за занавеской из деревянных бусин, которая закрывала вход на кухню. При этом папа ни разу не обернулся, а потому так до сих пор и не заметил стоявшего в комнате Винценца. Я с облегчением выдохнула. Как хорошо, что не пришлось ничего объяснять. Даже думать не хотелось, как бы я выкручивалась. И всё из-за дурацкого по-

ведения персонажа! Однако теперь надо было действовать очень быстро и спрятать его раньше, чем папа вернётся. У него, конечно, богатая фантазия, но это же... просто в голове не укладывалось!

Я стремительно вскочила со стула.

– Ты, видно, совсем спятил, – прошипела я, хотя с удовольствием прокричала бы это в полный голос, а потом вывернула бы Винценцу на голову рис с китайским соусом.

На кухне уже гудел чайник, и было слышно, как папа гремит посудой. Через минуту-другую он снова будет здесь. Так что медлить нельзя! Быстро обежав стол, я схватила Винценца за рукав.

– Ну-ка, пойдём! – велела я и решительно потянула его в свою комнату. Он на мгновение замешкался и неохотно последовал за мной.

– Не могу понять, почему вы пытаетесь скрыть меня от отца. Кажется, он благородный человек. Возможно, он даже поможет нам. Он ведь наверняка знает, как связаться с Ханной Рудерер...

К счастью, именно в этот момент раздался пронзительный визг чайника, так что голоса Винценца на кухне наверняка не было слышно.

Я ничего ему не ответила и потащила дальше по коридору. Там я втокнула его в свою комнату, на двери которой красовались разноцветные деревянные буквы моего имени – «ЭММА». В четыре года мне это казалось чем-то удиви-

тельным и потрясающим. Буквы вырезал дедушка Август из собственноручно спиленного клёна у них в саду. Папа называл это «символической ценностью».

И вот я втолкнула Винценца в свою комнату.

– Жди меня здесь.

– Не перестаю удивляться, чем я мог заслужить такое обращение, – пробормотал Винценц и возмущённо разгладил складки на своей одежде. – Вы очень грубы. Может быть, стоит отправить вас в институт благородных девиц, где молодые леди учатся готовить, вязать и печь, а заодно и хорошим манерам. Надо будет предложить это вашему отцу.

– Это мой мир, и мы играем по моим правилам, ясно? – разъяснила я.

– Ладно. – Винценц пожал плечами, но, когда я вытащила ключ из замочной скважины внутри и быстро вставила его снаружи – этому я научилась сегодня утром от него же, – он застыл в ужасе. – Стойте, что это вы задумали?

– Сказала же – ты останешься здесь. – Не взглянув на него больше, я захлопнула дверь и повернула ключ. Красная буква «М» при этом упала на пол. – А попробуешь напакостить, – прошипела я, плотно прижимая губы к двери, – я сейчас же попрошу отца отвести меня на машине куда-нибудь подальше. Там явно будет больше ста шагов.

– Я бы не советовал этого делать, если вам дорога жизнь, – прорычал мой пленник в ответ. Потом за дверью стало тихо. Видимо, он смирился. Но от его последних слов мне сдела-

лось как-то не по себе. Если мне дорога жизнь? Что бы это значило?

– С кем ты там разговариваешь?

Я вздрогнула и обернулась. Папа стоял в дверном проёме кухни с дымящимся чайником в руке.

– Да вот... Буква упала. Наверное, это призрак прадедушки буянит, – пробормотала я. Сердце чуть из груди не выпрыгивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.